

РЕСПУБЛИКАНСКОЕ РЕЛИГИОЗНОЕ
ОБЪЕДИНЕНИЕ «МУСУЛЬМАНСКОЕ
РЕЛИГИОЗНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ В
РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ»

БАЙРАМ

№ 45

МИНСК 2019

Галоўны рэдактар
Рэдакцыйная рада

Сягей Міскевіч
Давыд Радкевіч
Максад Авезаў
Аляксандр Несцер

Мінск, 2019

ЗМЕСТ

ПРАДМОВА	5
<i>ДАВЫД РАДКЕВІЧ</i>	7
ФАРМІРАВАННЕ МУСУЛЬМАНСКОЙ СУПОЛЬНАСЦІ БЕЛАРУСІ	7
ИНТЕРВЬЮ У РОЗЫ КАЗАКЕВИЧ	23
УДИВИТЕЛЬНАЯ ЗАГАДКА ИСТОРИИ	27
ИЗ ИСТОРИИ МУСУЛЬМАН НОВОГРУДКА	30
СУДЬБЫ ИМАМОВ XX ВЕКА	34
СМАЙКЕВИЧИ	44
ТАТАРЫ В АМЕРИКЕ	50
ИЗ ИСТОРИИ ТАТАРСКОГО ПРЕДМЕСТЬЯ МИНСКА	52
ТАЙНЫ УРОЧИЩА КАРОЛИН	56
ТАТАРЫ ГАРАДЗІШЧА	65
ГІСТОРЫЯ ТАТАРАЎ У ПЛЕШАВІЧАХ	68
ПЕРАКЛАД НА БЕЛАРУСКУЮ МОВУ РАЗВАГ, ПРЫПАВЕСЦЕЙ І АПОВЕСЦЕЙ З ПАЭМЫ “УЛЮБЁНЫ СЭРЦАЎ” АЛШЭРА НАВАІ	72
РАЗВАГІ, ПРЫПАВЕСЦІ І АПОВЕСЦІ З ПАЭМЫ “УЛЮБЁНЫ СЭРЦАЎ”	74
СУРА 2. АЛЬ-БАКАРА (“КАРОВА”)	83

СТИЛОМЕТРИЯ КОРАНА: ДВА ВЗГЛЯДА	92
<i>СХЕМА ПРИМЕРА ПРИНЦИПА SKIP-GRAM</i>	97
МЕЧЕТЬ – ОЧАГ КУЛЬТУРЫ И ЕДИНЕНИЯ ВЕРУЮЩИХ	100
КАЛЮЧКА	108

ПРАДМОВА

Шаноўныя чытачы! Вітаем Вас на старонках чарговага нумара часопіса “Байрам”!

Няўмольна бяжыць час, і вось ужо два гады мінулі з моманту выдання папярэдняга нумара “Байрама”. За гэты перыяд адбылося багата цікавых падзей у татарскім жыцці Беларусі і замежжа. Так, у 2017-ым годзе мы святкавалі 620-годдзе з моманту пасялення татараў-мусульман на землях Вялікага Княства Літоўскага, дзяржавы, якая стала нашай новай Радзімай на доўгія гады. Мерапрыемствы адбыліся ў Польшчы, Літве і Беларусі, у тым ліку адзначылі свята ў Наваградку, Іўі і Мінску са святочнымі канцэртамі і выставамі.

Улетку таго ж года да нас завіталі госці з Польшчы на чале з муфтэем МРА Польшчы Томашам Міскевічам. Наведалі Наваградак, Лоўчыцы, Скідаль, Іўе, Сандыкоўшчыну, Некрашунцы, Карэлічы, Мір, Нясвіж, Клецк, Асмолава, Узду і Мінск, спаткаліся са сваімі сваякамі і знаёмымі, зрабілі падарункі.

У чэрвені 2018 года ў Віленскім універсітэце адбылася канферэнцыя, прысвечаная гісторыі, культуры і пісьменству татараў ВКЛ. Яна стала працягам Торуньскай канферэнцыі ў красавіку таго ж года. Удзельнікі распавядалі пра вынікі даследванняў мізараў, рукапісных рэлігійных кніг, паходжання прозвішчаў, дзейнасці прафесара А. Антановіча, які даў пачатак сучаснай кітабістыцы, этнаграфічных экспедыцый і г.д. Госці таксама наведалі вёскі Сорак татар і Немеж, дзе спаткаліся з мясцовымі татарамі, адведалі мячэці, пачаставаліся традыцыйнымі татарскімі стравамі, а таксама Барэйкаўшчыну, былую сядзібу У. Сыракомлі. Ад Беларусі ў канферэнцыі прынялі ўдзел 7 чалавек.

Самай яскравай падзеяй апошніх гадоў стаў прылёт у Мінск дэлегацыі амерыканскіх татараў 17 верасня 2018 года. Цягам 5 дзён 17 чалавек, у тым ліку 1 рэпарцёр і 2 малых дзяцей наведвалі Мінск, Узду, Нясвіж, Асмолава, Клецк, Ляхавічы, Наваградак, Лоўчыцы і Іўе. Госці знайшлі сваіх родных і блізкіх (некаторыя нават стрыечных), пазнаёміліся з жыццём татарскай супольнасці Беларусі.

Найбольш цёпла віталі амерыканскіх татараў у Іўі, так званай татарскай сталіцы Беларусі. Менавіта з Іўя (Мураўшчызны) паходзілі продкі большасці з іх. Час прайшоў за размовамі, знаёмствамі, абменам падарункамі, смачнай вячэрай. Тут, на мізары, засталіся продкі як памяць пра далёкую векавую мінуўшчыну.

Дзякуючы знаёмству з амерыканскімі татарамі, сярод якіх былі старшыня арганізацыі Джэк Седаровіч з роду Мурзічаў, сакратар Аліса Радкевіч і некалькі зацікаўленых асоб з розных куткоў Амерыкі, мы здолелі наладзіць моцныя кантакты са сваімі братамі ў ЗША. Яны перадалі каштоўныя фотаздымкі, дакументы, копіі кніг, лістоў і г.д., што бралі з сабою першыя эмігранты, і дзе захавалася нашая агульная гісторыя. У гэтым і наступных нумарах “Байрама” будзем паступова даследаваць і друкаваць атрыманыя матэрыялы.

Акрамя гэтага, мы падрыхтавалі для Вас новыя артыкулы з гісторыі, культуры, рэлігіі беларускіх татараў. Паводле традыцыі, пачынаем часопіс з перакладаў Кур’ана на родную мову, затым зазірнем у далёкае мінулае, калі фармавалася татарская супольнасць Вялікага Княства Літоўскага. Жывую гісторыю сваіх продкаў і сваякоў распавядзе нам Роза Мустафаўна Казакевіч з Іўя. Тэма мізараў будзе асветлена ў артыкуле, прысвечаным рукапіснаму хамаілу з Узды. Знойдзем звесткі пра татараў з Наваградка на першую палову XIX ст., пра цяжкі лёс імамаў у міжваенны і пасляваенны час, пра гісторыю татарскіх паселішчаў Беларусі і г.д.

Давыд Радкевіч

Фарміраванне мусульманскай супольнасці Беларусі

Пераход татар-мусульман да сталага жыцця на землях Беларусі, Літвы і Польшчы ў розных крыніцах мае розныя назвы. Польскія крыніцы схіляюцца да тэрміну “каланізацыя” (таму што пасяленні таксама называюць “калоніямі”), аналагам гэтага тэрміну з’яўляецца “асадніцтва” (пасяленне завецца “асадаю”). Мы лічым больш удалым менавіта апошні варыянт, паколькі ў беларускай навуковай думцы слова “каланізацыя” звязваецца з асваеннем больш развітым народам тэрыторыі менш развітага, або засяленне свабодных земляў, тады як асадніцтва ёсць працэс пераходу ад качавага ладу жыцця да сталага пражывання на якой-небудзь (неабавязкова незаселенай) зямлі.

Няма прычын сумнявацца ў тым, што татары пачалі стала жыць на беларускіх землях у XIV ст. Каб крыху наблізіцца да разумення складанасці праблемы дакладнага вызначэння часу пачатку, дастаткова прывесці адзін яскравы прыклад. А. Мухлінскі ў сваёй выдатнай ва ўсіх адносінах працы 1858 г. падае важны факт, адначасова цікавы і спрэчны. Пад 1324 годам летапісец францішканскага ордэну Лукаш Вадзінг сведчыць, што ў Вялікім княстве Літоўскім жывуць “скіфы, якія прыйшлі сюды з зямлі нейкага хана і ў сваіх малітвах карыстаюцца азіяцкай мовай”. На думку некаторых вучоных, размова тут можа ісці і не пра мусульман, а якраз наадварот – пра татар-паганцаў, што збеглі ў Літву, ратуючыся ад прымусовага звароту ў іслам.

Зарына Канапацкая, дачка слыннага гісторыка Ібрагім Канапацкага слушна адзначае, што маюцца некаторыя сумненні наконт сапраўднасці гэтага паведамлення, бо ніхто з даследчыкаў, акрамя А. Мухлінскага, не знайшоў у “Аналах” згаданую цытату. Нават калі лічыць гэтае паведамленне апакрыфічным, трэба прызнаць, што ўдзел татараў у войнах на баку Літвы (прынамсі з 1319 г.) ўскосна падцвярджае прыгаданы факт. Мы выказваем меркаванне, што “скіфы” Вадзінга маглі быць і пасламі з Кыпчака (Залатой Арды), спасылаючыся на вышэйзгаданыя звесткі наконт палітычных адносін ВКЛ з Залатой Ардою – менавіта 1324 г. пазначана дата прыбыцця дыпламатычнай групы ў Вільню.

Як бы там ні было, з высокай доляй упэўненасці можна сцвярджаць, што першыя сталыя насельнікі-мусульмане ў ВКЛ паходзяць з Залатой Арды.

Таксама вядома, што пасля паразы ардынцаў на Куліковым полі ў 1380 г. у ВКЛ эмігравала група мурзаў на чале з Мансур-Кіятам Мамаевічам, якога лічаць пачынальнікам роду Глінскіх. Яго надзелы, атрыманья ад Вітаўта, лакалізуюцца на цяперашняй тэрыторыі Украіны (на Палтаўшчыне).

Палітычныя падзеі ў Ардзе другой паловы XIV ст., а дакладней, цэнтрабежныя працэсы, якія ахапілі яе, дазволілі Гедымінавічам часцей умешвацца ў барацьбу тамтэйшых феадальных групавак за ўладу, падтрымліваючы тых ці іншых прэтэндэнтаў на ханскі трон. Літоўскія князі імкнуліся дамагчыся падтрымкі ў барацьбе з маскоўскім палітычным цэнтрам за аб'яднанне пад сваёй уладай рускіх земляў. І міжволі стымулявалі такім чынам перасяленне ўцекачоў, якія былі вымушаныя ратавацца ў суседніх краінах.

У гэты час Цімур (Тамерлан), таксама імкнучыся распаўсюдзіць сваю ўладу ў Ардзе, пасадзіў там свайго стаўленніка – Тахтамышы. Той, напачатку ўстанавіўшы мірныя адносіны з маскоўскай дзяржавай (Дзмітрый Данскі ваяваў супраць яго суперніка Мамаю), неўзабаве ўзнавіў вайну з ёй, у 1382 г. захапіўшы і спаліўшы “белакаменную”.

Узмацненне Тахтамышы выклікала незадаволенасць Цімура, і ён вылучыў новага прэтэндэнта на ханскі пасад. Два паходы, якія арганізаваў супраць ардынскага хана Цімур, бадай што дасягнулі сваёй мэты: першы ў 1391 г. – спусташыў землі, падуладныя непакорнаму стаўленніку, другі ў 1395 г. – прывёў да яго адхілення. 22 джумада 797 г. па Хіджры (14 сакавіка 1395 г.) войскі Тахтамышы былі разбіты.

Такім чынам, апошні ўзначаліў шэрагі вымушаных перасяленцаў-мусульман на землі ВКЛ. Паводле словаў сучасніка тых падзей Шэрафа ад-Дзіна Ездзі, які засведчыў іх у сваёй “Кнізе перамог”: “Тахтамыш кінуў ханства, дом, усё, што меў, і, ратуючы сваё жыццё, з некалькімі людзьмі ўцёк, пайшоў у бок Булара, у лясную мясцовасць, хаваючыся ад ільвіных кіпцюроў Цімура...”.

Войскі Цімура дасягнулі памежных зямель Русі і павярнулі назад. На поўдні яны спыніліся на Дняпры, знішчылі ўлусы верных Тахтамышу эміраў і царэвічаў, прычым многія з іх, як і іх сюзерэн, збеглі са сваімі атрадамі на захад. Падзеі ў заходняй суседняй дзяржаве – ВКЛ – развіваліся неспрыяльна для Арды, але ў цэлым спрыяльна для Тахтамышы.

Спрэчны эпізод

Паводле Яна Длугаша, Вітаўт у 1397 г. ажыццявіў паход на Волгу, дзе разграміўшы татар, захапіў многа тысяч іх у палон з жонкамі і дзецьмі і статкамі жывёлы, і прывёў у Літву. Палову палонных ён адаслаў на знак перамогі каралю Уладзіславу (Ягайлу), польскім біскупам, абатам і панам, а палову пакінуў сабе. “Падораных” такім чынам мусульман у Польшчы ахрысцілі і ў выніку змяшаных шлюбам татары “сталі адным народам з палякамі”. У адрозненне ад такога рашэння, у Літве Вітаўт пасяліў татар у вёсках і, як бачна, не стаў прымусова хрысціць іншаверцаў.

Мы дазволім сабе ўзяць пад сумнеў некаторыя істотныя моманты гэтага сведчання. Па-першае, месца. Длугаш указвае на “ваколіцы Волгі”, тады як сучасныя гісторыкі схіляюцца да думкі, што крайняй кропкай на Ўсходзе, дасягнутай войскам Вітаўта, былі нізоўі Дону (Прыазоўе, вядомае таксама як Лукамор’е) – месца традыцыйных ардынскіх качаванняў, а атрады крымскіх (а не волжскіх) бекаў і мурзаў былі разбіты ля Кафы (на Крымскім паўвостраве). Гэта пацвярджаецца і тым, што Тахтамыш, у саюзе з якім быў Вітаўт, пачаў рассылаць па Ардзе позвы і збіраць сваіх прыхільнікаў. Калі б літвіны дайшлі да самай Волгі, Арда, хутчэй за ўсё, скарылася б цалкам, паколькі ля гэтай ракі месціліся значныя гарады, такія, як сталіца – Сарай і інш. Акрамя таго, ёсць звесткі, што выведзены з Крыма шматлікі палон Вітаўт падзяліў не на дзве, а на тры часткі. Адну – размясціў на паўднёвых межах, з іншымі – мог абысціся згодна словам Я. Длугаша. Нягледзячы на гэтыя хібы, гэты гісторык прывёў нам мудрыя словы вялікага князя. У той час, калі Польшча гвалтам хрысціла палонных мусульман, у той час, калі выказваліся перасцярогі, што небяспечна сяліць на Літве такі люты народ, гэты прадбачлівы чалавек адказаў: “Не, я іншага меркавання, таму што дабрыней і самага дзікага звера можна прыручыць”.

Хроніка Марціна Бельскага паведамляе, што князь раздаў татарам некаторыя вёскі ля р. Вака (каля Трокаў) і, вызваліўшы іх ад усіх падаткаў, абавязаў толькі ездзіць на вайну. Аднак М. Бельскі заўважае, што сучасныя яму татары “аспрэчваюць той факт, што паланёныя Вітаўтам, і кажуць, што па добрай волі прыйшлі яму на дапамогу супраць Прусіі”. На аналагічныя сцверджанні ўказваюць іншыя храністы – Мацей Мехавіта (Мяхоўскі), Міхал Літвін, Марцін Кромер, Мацей Стрыйкоўскі, Ян Красіньскі. Пра свой добраахвотны прыход у Літву татары згадваюць у адным прашэнні (супліцы) на імя Жыгімонта Аўгуста ў 1563 г. Пра тое пісаў і ананімны аўтар “Рысале-і татар-ы Лех”: “ўсюды лічаць гэтых татар нашчадкамі палонных...”,

але “калі б яны былі палоннымі, даўно ўжо мусілі б стаць нявернікамі, аднак жа застаюцца мусульманамі”. Прычыны перасялення, паводле яго словаў, крыюцца ў палітычных варунках Арды: “Сем’і нашага роду, стаміўшыся ад неспакойнага жыцця, перасяліліся ў тую старану. Мне падаецца, што нашы продкі паходзяць ад царадворцаў хана, якія дабіваючыся трона, змагаліся з ім, а пасля паразы мусілі шукаць сховы ў іншых краінах”.

С. Думін мяркуе, што ядром групы служылых татар сталі палонныя, прыведзеныя ў 1397 г., але ўлічваючы тое, што на чале іх сталі набліжаныя да Тахтамышы татарскія феадалы, якім давяраў Вітаўт, у складзе супольнасці знаходзіліся і добраахвотныя (а значыць, свабодныя) пасяленцы. У далейшым (да пачатку XVI ст.) колькасць татар-мусульман павялічвалася пераважна за кошт эмігрантаў з Крыма і Паволжа. У выніку добраахвотныя перасяленцы павінны былі скласці значную частку мусульман Княства. Менавіта гэта (нароўні з жаданнем станоўча матываваць факт іміграцыі татар ў ВКЛ) спрыяла страце памяці пра паходжанне першых пасяленцаў гэтай этнічнай групы. Можна выказаць меркаванне, што прадстаўнікі татарскай шляхты, памятаючы пра агульныя карані з простымі татарамі, жадалі палегчыць лёс супляменнікам і жанілі сваіх сыноў з іх дочкамі, уводзячы так і іх рады ў шляхецкі стан.

Татары, якія прыйшлі разам з Тахтамышам у 1397 – 1398 гг., з дазволу ўладаў пасяляліся ў Кіева-Падольскім рэгіёне, а таксама ў Лідскім, Ашмянскім, Наваградскім і Брэсцкім паведах. Пасля няўдачы на Ворскле многія татары-мусульмане, відаць, сталі пераходзіць на службу да Вітаўта. Вядома, аднак, што пасля 1411 г., калі сыны Тахтамышы змаглі на кароткі час аднавіць сваю ўладу ў Залатой Ардзе, большасць беглых татар атрымала магчымасць вярнуцца ў Паволжа. Пры гэтым нейкая іх частка без перашкодаў магла застацца ў ВКЛ. У Княстве, такім чынам, утварыўся свайго роду абарончы пояс ад Ягайлы, які забяспечваў лаяльнасць апошняга.

Вядома, што пасля Грунвальда многія мусульмане засталіся ў Вялікім княстве Літоўскім. Звесткі пра іх падае ў сваім дзённіку Гільбер (Жыльберт) дэ Лануа, які ў 1414 г. праязджаў праз Трокі на шляху з Вільні ў Прусію: “...жыве ва ўзгаданым горадзе Троках і ў некалькіх навакольных вёсках вялікая колькасць татар... яны – звычайныя сарацыны, не ведаюць веры Ісуса, а размаўляюць на асаблівай мове, якую называюць татарскай”.

Ён жа апісвае сваю сустрэчу з Вітаўтам, сярод іншых абставін якой згадваюцца мусульмане. “Праз Нізкую Русь я адправіўся да

герцага Вітольда (Вітаўта),... якога я застаў у Камянцы (Камянцы-Падольскім)... разам з жонкаю і світаю татарскага князя і многіх іншых князёў, княгінь і рыцараў... Уладар выказаў мне вялікую пашану і... садзіў мяне за свой стол разам са сваёй жонкаю, герцагіняю, і сарацынскім князем Татарыі, па прычыне чаго я бачыў і ў пятніцу (посны дзень у хрысціян – Р.Д.) на стале мяса і рыбу. І быў там татарын з барадою ніжэй за калені, захутанага ў нагалоўнік...”. З-за немагчымасці пераправіцца цераз Дунай пасол мусіў ехаць да чарнаморскіх партоў, дзе непадалёк ад Крыма Лануа сустрэў Джамбалыкскую арду і знайшоў яе хана Жамба, “сябра і слугу герцага Вітольда”. Каля Кафы на пасольства напалі іншыя татары, але дзякуючы таму, што Жыльбер і яго людзі “у гэты дзень насілі... шлемы і знакі службы Вітальда”, а нападнікі “былі з людзей старога імператара Солкацкага (Эдыгея), які... раней быў у вялікім сяброўстве з Вітальдам”, яго адпусцілі. Нездарма Еўропа ўважала Вітаўта за “караля сарацынаў”. Такім чынам, бачым, што мусульмане, васальныя літоўскаму князю, насялялі і паўднёвыя абсягі яго дзяржавы, больш затое – ім аказваліся знакі пашаны.

Прыток татар у літоўскія ўладанні адбываўся цягам усяго XV ст., і гэта ўжо дакладна не былі палонныя. Пачаткам гэтага стагоддзя датуецца і меркаванае будаўніцтва першых мячэцяў на беларускай зямлі: у Некрашунцах ля Ліды (1415 г.) і ў Лоўчыцах пад Наваградкам (1420 г.). Пра пашырэнне іміграцыі татараў у Княства таксама сведчыць ярлык правіцеля Арды эміра Эдыгея (1420 г.), у якім ён прасіў Вітаўта не прымаць да сябе мурз, князёў-уцекачоў. Нягледзячы на гэта, нават праз дзевяць год пасля гэтага захаду, князь паведамляў вялікаму магістру Тэўтонскага Ордэна: “Да нас прыбывае вялікае мноства татараў з наваколля Кіева... і просяць прыцельскага прытулку з нашага боку”. Прычына эміграцыі добра вядома – міжусобная барацьба прэтэндэнтаў на ардынскі трон, многія з якіх шукалі ў Літве падтрымкі ці сховішча. Ісламскім аспектам такіх ўцёкаў магла быць хіджра – перасяленне з-за неспрыяльных умоваў жыцця для вернікаў. Шукаючы гістарычныя паралелі, нагадаем, што ў XX ст. уцёкі з Афганістана (ДРА) у суседнія краіны таксама мела характар хіджры.

Асноўнымі па колькасці жыхароў татарскімі цэнтрамі з XV ст. былі ў парадку памяншэння Троцкі, Наваградскі, Менскі і Ашмянскі паветы.

Тыя татары, якія па сваім жаданні засталіся ў ВКЛ, былі ўдзячныя Вітаўту за тое, што ён надзяляў іх зямельнымі ўгоддзямі, а

таксама гарантаваў свабоду веравызнання. Пасланнік вялікага магістра Хенне пісаў свайму патрону ў лісце ад 14 жніўня 1418 г. пра тое, што татары, якія жылі ў прыгарадзе Менска, віталі Вітаўта, прыносячы яму дары: коней, буйную рагатую жывёлу, вярблюдаў і зброю.

Да палонных татараў гэта, зразумела, не адносілася. Іх нярэдка гвалтоўна хрысцілі і сялілі як асабіста залежных земляробаў. Ды і свабодныя татары мужчынскага полу павінны былі выконваць вайсковую павіннасць, праводзячы значную частку свайго жыцця на вайне, адарваныя ад сем'яў. Зазначым, што хоць іх лёс быў незайздросны, аднак гэтыя адносіны былі пэўным вынікам вуснай ці пісьмовай дамовы, а можа і слова гонару паміж хрысціянскай уладай і воінамі-мусульманамі, якім давалася зямля, жонка і права верыць у Аллага за нясенне вайсковай службы на карысць гэтай улады. Татарскі воін быў абавязаны з'явіцца па першым загадзе гаспадара на кані і з баявым рыштункам. У выпадку, калі асаднік не меў каня, князь патрабаваў ад яго нават прадаць дзяцей, абы той меў магчымасць набыць жывёлу. Зразумела, такі стыль не мог падабацца не вельмі заможным шэрагоўцам, асабліва тым, хто жыў у ВКЛ насуперак уласнай волі. У лісце комтура Дынабурга да магістра Ордэна мечаносцаў, датаваным 31 сакавіка 1421 г., згадваецца бунт літоўскіх татараў супраць Вітаўта. Татары, спаліўшы жытлы сваіх суседзяў-хрысціян, вырашылі вярнуцца ў родны стэп. Аднак шлях ім заступілі літоўскія атрады на чале са Свідрыгайлам, падавіўшы выступленне і пакараўшы смерцю вінаватых.

Рэлігійная сітуацыя ў Вялікім княстве Літоўскім у XV ст. была даволі стракатай (хрысціяне розных канфесій, іудзеі, мусульмане). Мусульманскімі цэнтрамі на яго землях тады сталі Вільня, Менск, Навагарадак, Берасце, Луцк і Вінніца.

Акрамя тых мусульман, якія аседла жылі на беларускіх землях, у ВКЛ былі і качэўнікі. Шляхі іх качэўяўу XIV – XVI ст.ст. пралягалі па малазаселеных ускраінных землях на поўдні і паўднёвым захадзе ВКЛ (“Полях Дзікіх”).

Плямёны, што качавалі па Дзікім Полі – на поўдні ВКЛ ад Днястра да Дняпра і Северскага Данца, – прызнавалі вялікага князя сваім валадаром. Татары на ўсход ад Дняпра, паблізу ад Кыпчака (так называліся землі Залатой Арды і яе спадкаемцаў), таксама залежалі ад Вялікага Княства Літоўскага. На чарнаморскім узбярэжжы Княству да XIV ст. належала затока (гавань) Хаджы-бей (сучасная Адэса), дзе ў XV ст. быў заснаваны аднайменны населены пункт. Намінальна

Хаджы-бей (Качыбей) аж да XVI ст. быў уладаннем ВКЛ. Ля вусця Дняпра ВКЛ трымала замкі – Крамянчуг, Місурын, Гербедзеяў Рог, Тавань, Баргунь, Цягінь (Бендэры) і Ачакаў, у якіх меліся сілы для абароны ад самастойных ордаў, што качавалі за Донам.

На левабярэжнай Украіне месціліся тры татарскія феоды: Курская цьма, Чарнігаўская цьма і “цьма Сараевага сына Ягалдая” (Ягалдай ці “Ягалдайская цьма”). Апошні з названых быў васальны Вялікаму княству Літоўскаму. Утвораны ён быў паміж 1428 і 1438 гг. і праіснаваў да 1497 г., калі яго разам з іншымі землямі Пуціўльскага павята падзялілі паміж сабой кіеўскія баяры (татараў да таго часу там, відаць, ужо не было). У 1500 г. гэтая тэрыторыя адыйшла да Маскоўскай дзяржавы. Такім чынам, бачым, што ВКЛ пэўны час мела васалам тэрыторыю, занятую мусульманамі.

Рэканструкцыя тэрыторыі “Ягалдайскай цьмы” грунтуецца на змесце ханскіх ярлыкоў, нададзеных літоўскім князям татарскімі ханамі (Тахтамышам, Хаджы-Гірэем, Нур-Дэўлетам, Менглі-Гірэем). У іх згадваюцца Мілалюб, Аскол, Старадуб, Мужач (на р. Псёл), Бранск і інш.

Карта татарскіх уладанняў у складзе ВКЛ у XV ст.

Большасць даследчыкаў лічаць, што татары, якія трапілі ў палон пасля Клецкай бітвы 1506 г., былі паселены ў Менску, Клецку і навакольных мястэчках. Дакументальнага пацвярджэння гэтай гіпотэзы, аднак, не маеца. На гэтыя думкі наводзіць прыклад Канстанціна Астрожскага, які, разбіўшы татараў пад Вішняўцом (1508 г.), пасяліў іх каля Астрога у сваіх украінскіх уладаннях.

Мусульманская супольнасць ВКЛ з самага пачатку фарміравалася з ліку татараў-імігрантаў, якія вызнавалі іслам. Яны сталі яе ядром. Менавіта яны ініцыявалі будаўніцтва першых мячэцяў і малітоўных дамоў, пачатковую мусульманскую адукацыю, закладанне мусульманскіх могілкаў (мізараў). Пазнейшыя нетатарскія элементы (пяцігорцы, туркі, нагайцы) складалі меншасць і далучаліся да ліку “татараў”.

Невядомы аўтар “Рысале-і-татары-лех” (1558 г.) паведамляе: “Пры вялікіх мячэцях звычайна трымалі імамаў з Крыма і Арды, аплочваючы іх уласнымі сродкамі, у іх жа вучацца нашы дзеці: з іх некаторыя рыхтуюцца да духоўнага прызначэння. Калі б не вялікія адлегласці, можна не сумнявацца, што асманскія падзішахі прыслалі б да нас сваіх улемаў (вучоных), якія б трымалі нашу веру ў чысціні і вялі б нас сваёй навукай па правільнаму шляху”. Папскі легат А. Пасевіна ў 1579 г. пісаў пра накіраванне маладых татараў-мусульман на Ўсход з мэтай вывучэння мовы і атрымання адукацыі.

Татары-мусульмане пасяляліся на беларускіх землях згуртаванымі родаплемяннымі групамі (улусамі), што ўплывала на іх ваенна-адміністрацыйны лад. Усе ваеннаслужачыя татары падзяляліся на харужствы (тыя ж племянныя ўлусы), а ў ваенных адносінах – на сцягі (атрады). Часта харужствы і сцягі супадалі. Неадначасоваць аседлых пасяленняў татар на Беларусі паўплывалі на тое, што іх улусы не займалі які-небудзь адзін павет.

У люстрацыі татараў ВКЛ 1631 г. згадваецца 6 “фамілій” (харужстваў, родаплемянных груп). Сярод іх – “фамілія” Уланскіх (уланы, агланы – нашчадкі малодшых ліній залатаардынскіх ханаў) – налічвала 179 дымоў (двароў, адзінак падаткаабкладання), галоўным чынам у Ашмянскім (62), Гарадзенскім (61) і Віленскім (44) паветах; астатнія 13 – у Мазырскім, Лідскім, Наваградскім, Менскім і Троцкім паветах. Тытулам уланаў першапачаткова карысталіся на беларускіх землях толькі князі Асанчуковічы, якія паходзілі ад князя Асанчука (жыў у пачатку XV ст.). Пазней гэты назоў быў пераняты ў якасці назвы роду войск іншымі жаўнерамі, у тым ліку і немусульманамі.

Пяць іншых харугваў склаліся на аснове плямён, што ўваходзілі ў Залатую Арду і прынялі ўдзел у этнагенезе шэрагу цюркскіх народаў Паўночнага Прычарнамор’я і Сярэдняй Азіі.

Іх назвы, у парадку пасялення ў ВКЛ:

1. **Уйшунскае харужства** складалася з цюркскага племя уйшун (уйсын, усун, юшын), якое пазней ўвайшло ў склад

- Старэйшага жуза казахаў. У 1631 г. уйшунскае харужства мела 244 дымы ў Троцкім, Віленскім, Лідскім паветах.
2. **Найманскае харужства** адпавядала цюркскому племю найманаў. Яно мела 126 дымоў у Ашмянскім і Віленскім паветах.
 3. **Джалаірскае харужства** прадстаўляла нашчадкаў мангольскага племя джалаір, у склад якога ўвайшлі цюркскія плямёны, і прынялі гэту назву ў XIII ст. Джалаірская харугва мела 74 дымы ў Віленскім, Навагрудскім і Ашмянскім паветах.
 4. **Кунграцкае харужства** адпавядала племю канграт, ці канкірат (мангольскае першапачаткова, у склад якога ўвайшлі цюркі). Мела 71 дым у Троцкім, Віленскім, Ашмянскім і Менскім паветах. Ад назвы племя паходзіць мянушка некаторых татарскіх родаў у ВКЛ. Большасць яе харугвавых татараў жыла ў Мерашлянах Віленскага ваяводства. У навуковай літаратуры ўсталявалася думка, што род спадчынных харужых гэтай харугвы паходзіў ад улусных князёў племені канграт.
 5. **Племя барын**, старэйшыя роды якога былі аднымі са знатнейшых у Крыме, прыбыла ў канцы XV ст. Яно мела 82 дымы ў Наваградскім і Мсціслаўскім паветах.

Нягледзячы на такую раскіданасць, можна гаварыць пра пэўнае тэрытарыяльнае размеркаванне племянных аб'яднанняў татараў паводле таго, як асаджваў іх вялікі князь, пачынаючы з Троцкага павету, дзе раней за іншых (у канцы XIV ст.) было паселена племя уйшун. Акрамя таго, звесткі пра рассяленне і памеры харужстваў дапамагаюць даць ацэнку агульнай колькасці мусульман у ВКЛ на момант рэвізіі Кярдзея 1631 г. (776 дымоў).

Паміж родаплемяннымі харужствамі ў ВКЛ існавала іерархія, якая цвёрда захоўвалася. У яе аснове палягала даўнасць пасялення той ці іншай групы ў Княстве. Гэтым можа тлумачыцца нязменная паслядоўнасць іх пераліку ў афіцыйных дакументах: “юшынскае, найманскае, ялаірскае, кандрацкае, барынскае”.

Падзел на ўлусы існаваў да канца XVII ст. З другой паловы XVII ст. племянныя адрозненні паступова знікаюць, захаваўшыся толькі ў асобных выпадках у прозвішчах татар-мусульман Рэчы Паспалітай: Юшынскія, Кандратовічы (нашчадкі племя Кунграт), Бараноўскія, Туган-Бараноўскія (якія належалі да роду Барын).

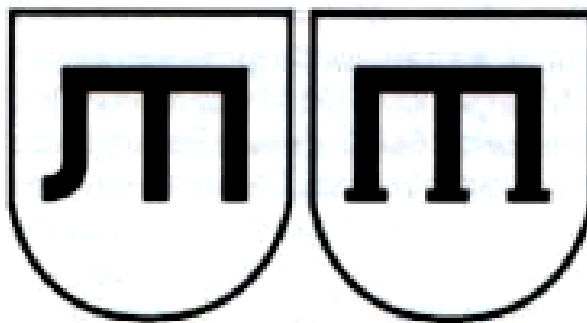
Польскі вучоны Ч. Лапіч называе некаторыя этнічныя групы, да якіх адносіліся імігранты-мусульмане ў ВКЛ: кіргізскія плямёны садзір і найма, кара-керыс і багамалаў, серкеч, балталу, кірэз,

джалаір, кірэй, крымскія кланы Даўлет-Бердэя і Даўлет-Гірэя, Шырынаў і Аргунаў, Ячлай, нагайцы з Дольняй Арды. Як бачым, найменне “татараў” было абагульняючым і не адлюстроўвала гэтай этнічнай неаднастайнасці.

Паводле рэвізіі Яна Кярдзея 1631 г. у Ашмянскім павеце было 135 татарскіх дымоў, у Гарадзенскім – 68, Наваградскім – 56, Лідскім – 40, Слоніўскім – 18. Татары сяліліся і ў гарадах, дзе жылі кампактнымі супольнасцямі на асобных вуліцах, у кварталах, якія і называліся татарскімі. Даволі працяглы час яны захоўвалі рысы замкнёнай рэлігійна-этнічнай грамады, а таксама некаторыя этнічныя асаблівасці. Тамсама будаваліся малітоўныя дамы і мячэці.

У XVII – XVIII стст. даволі хуткімі тэмпамі ішло развіццё гарадоў, павялічвалася колькасць гарадскога насельніцтва. Гэта з’ява не магла абмінуць і татарскае насельніцтва, якое мелася ў гарадах ужо ў XV ст. У пісьмовых крыніцах вядома пра татараў, якія жылі ў Лідзе, Вільні, Троках, Наваградку, Клецку, Менску. Татары насялялі вуліцы, слабоды і прадмесці гарадоў. З другой паловы XVIII ст., пасля I падзела Рэчы Паспалітай, татары інтэнсіўна перасяляліся ў гарады (з’яўляюцца татарскія слабоды ў Глыбокім, Відзах, Докшыцах, Мядзелі, Ляхавічах, Слоніме).

Паводле сацыяльна-эканамічнага становішча татарскае насельніцтва на землях ВКЛ XVI – XVII стст. умоўна падзялялася на тры катэгорыі. Найбольш прывілеяванай групай былі прамыя нашчадкі ардынскіх ханаў – царэвічы. У ВКЛ былі прадстаўлены два роды – Астрынскія і Пунскія.

Герб Астрынскіх

Род Астрынскіх быў адгалінаваннем крымскай дынастыі Гірэяў. Сваё паходжанне род вёў ад Дэўлеш-салтана, унука хана Хаджы-Гірэя, які з-за варажнечы з ханам Менглі-Гірээм мусіў выехаць у ВКЛ. Спачатку яны прыбылі ў Кіеў, а пазней маскоўскі пасол у канцы 1492 г. паведамляў з Крыма, што “те царевичи, сказывають, поженилися в Литве, а отведены с Украины далече в глубь”. Дзякуючы сваяцтву з ханскай дынастыяй род Астрынскіх займаў

ганаровае становішча пры двары вялікага князя і быў найбольш уплывовым татарскім родам у ВКЛ. Сын Дзэўлеш-салтана Азубек-салтан (Азюбек, Узубек, памёр пасля 1540 г.) атрымаў у 1514 г. 6 пусткаў пад Астрынай (цяпер у Гродзенскай вобл.), па якіх і атрымаў прозвішча гэты род. Ён быў дваранінам гаспадарскім, па даручэнні караля Жыгімонта II Аўгуста неаднаразова выступаў арбітрам і суддзёй у спрэчках літоўскіх служылых татар, выдаваў ім пасведчанні пра шляхецтва, якія пацвярджаліся каралём. Можна меркаваць, што царэвіч выконваў ролю кадзія. Род Астрынскіх згас на дзецях Чынгіса, сына Азубек-салтана.

Пунскія паходзілі ад царэвіча Енбек-салтана, сына Халек-салтана – пляменніка Шах-Ахмата. Шах-Ахмат быў апошнім ханам Вялікай (Заволжскай) Арды і ў XVI ст. ў якасці палоннага знаходзіўся ў ВКЛ. Енбек-салтан згадваецца ў попісе войска ВКЛ 1528 г. У XVIII ст. гэты род, відаць, згас.

Прывілеяванай групай былі і мурзы, якія атрымалі тытулы: Асанчуковічы, Барынскія, Дзенаевічы, Ждановічы, Кадышэвічы, Карыцкія, Зарыцкія, Крычынскія, Лоўчыцкія, Ластайскія, Смольскія, Талькоўскія, Юшынскія, Шырынскія і інш. Яны валодалі вялікімі вотчынамі з сялянамі, за што павінны былі несці ваенную службу.

Да другой катэгорыі належалі нашчадкі простых воінаў (татары-казакі). Яны атрымлівалі невялікія надзелы зямлі і апрача ваеннай службы выконвалі павіннасці на карысць вялікага князя (транспартную, кур’ерскую, каравульную і інш.). Татары-казакі з ваколіц Вільні выконвалі транспартную, кур’ерскую, каравульную і паляўнічую службы, з Сорак-Татар прыцягваліся ў якасці кур’ераў і паляўнічых, а таксама рамантавалі дарогі і масты. У 1561 г. і 1568 гг. атрымалі прывілеі на шляхецтва ад караля Жыгімонта II Аўгуста (зацверджаны ў 1576, 1608 і 1634 гг.).

Да трэцяй катэгорыі адносіліся гарадскія і местачковыя (“простыя”) татары – самая бедная група мусульман ВКЛ. Паходзілі яны з перасяленцаў, якія на гістарычнай радзіме былі не феодаламі, а вольнымі або залежнымі, “ясачнымі людзьмі”. У гарадах і мястэчках ім адводзілася зямля пад сядзібы і агароды. Яны неслі павіннасці, як і мяшчане, плацілі пагалоўны падатак. Асноўнымі заняткамі былі рамізніцтва, гарбарства, агародніцтва, жывёлагадоўля.

Вядома, што мусульмане на ўсёй тэрыторыі Рэчы Паспалітай кіраваліся ўласным рэлігійным правам – шарыятам, якое грунтавалася на каранічных нормах. Яно распаўсюджвалася на ўсе рэлігійныя прыходы. За часамі існавання Рэчы Паспалітай,

мусульмане беларускіх земляў прызнавалі над сабою духоўную ўладу турэцкага султана як халіфа, уладара прававерных (ар. “*эмір аль-мумінін*”). Згодна словам гісторыка XVII ст. Ібрагіма Печэві (Печаглу), у мячэцях Польшчы “чытаецца хутба ў гонар султана”. Мусульманскія абшчыны былі самастойнымі, а пры вырашэнні спрэчных пытанняў звярталіся да муфтыяў Асманскай імперыі або Крымскага ханства [34, с. 33]. Зварот да “выконваючага абавязкі” кадзія (як у выпадку з Азубекам) або да судовых інстанцыяў ВКЛ быў больш звычайнай з’явай, паколькі дарога да асманскіх краёў была няблізкая.

Пытанне пра наяўнасць пастаяннай пасады духоўнага судзі – кадзі – ў мусульман ВКЛ застаецца адкрытым. Сведчаннем пра яе наяўнасць прынамсі на рубяжы XVI і XVII стст. служыць дакумент, датаваны 2 сакавіка 1594 г.: у суд прыйшоў “татарын господарский повету виленского *дэрвіш чэлебі хадчы* Мурзіч, кады всех татар Великого Князства Литовского”, які заявіў, што пасля сваёй смерці ён вызваляе свайго нявольніка (магчыма, маскоўскага палоннага) Івашку Пятровіча, а за гэта адпушчаны пасля смерці свайго былога гаспадара будзе павінен маліцца за яго душу. З другога дакумента становіцца зразумелым, што кадзі Чэлебі Мурзіч у 1558 г. быў мулой мячэці ў мястэчку Даўбуцішкі Ашмянскага павета. У рэестры дакументаў на ўладанні ў Даўбуцішках, якія належалі князю Алікечу (Алі-хаджы?) Бегімавічу Улану, складзеным 30 верасня 1592 г., маецца “ліст *дэрвіш чэлебі кахадзі* Мурзіча, духоўніка татарскага даўбуцішкага...”.

Ганаровы для мусульманіна тытул хаджы (паломнік) сведчыць пра тое, што Мурзіч ажыццявіў хадж. Назвы *дэрвіш* і *чэлебі* татарскі кадзі дадаў да свайго прозвішча, відаць, у Турцыі, дзе мог прабыць даволі доўга. *Дэрвіш* (персідск. “бядняк, жабрак”) – гэта мусульманскі аскет, чалавек, які добраахвотна адмовіўся ад людскіх радасцяў і багацця, стаў жабраком і прысвяціў сваё жыццё пазнанню Бога. Дэрвішы стваралі брацтвы і манастыры. Паходжанне цюркскага слова *чэлебі* няяснае. У XIV—XV стст. яно мела значэнне ганаровага тытула і ім надзялялі чалавека, які валодаў прыроджаным розумам і вялікімі ведамі. Званне *чэлебі* насілі многія выдатныя пісьменнікі, паэты, прамоўцы, урачы, гісторыкі, судзі і г. д. Але ўжо ў XVI ст. так называлі любога адукаванага чалавека. Акрамя таго, *чэлебі* – назва адгалінавання суфійскага ордэна *Бекташыя* і, магчыма, некалькі звязана з назвай горада Чалябінск у Расіі.

С. Крычынскі лічыў, што кадзі Мурзіч “на працягу некаторага часу сапраўды быў членам брацтва дэрвішаў недзе ў Анатоліі...” Гэты

гісторык таксама меркаваў, што менавіта Мурзіч мог быць аўтарам славутага трактату “Рысале-і-татары-лех”.

Нягледзячы на пэўныя ільготы і рэлігійную верацярпімасць (свабодна дазвалялася вызнаваць іслам і будаваць мячэці), татары у ВКЛ не мелі права ўдзельнічаць у выбарах у сойм і мясцовыя соймакі, займаць вышэйшыя дзяржаўныя пасады. Аднак шэраг татар вызначыліся на дыпламатычнай службе, былі сярод іх і “*пісары татарскія*” – перакладчыкі з татарскай і турэцкай моваў у адносінах з Крымам і Асманскай імперыі. Найбольш вядомы з іх быў князь Абрагім Тымірчыч у пачатку XVI ст. – “пісар татарскі” канцылярыі ВКЛ пры вялікіх князях Аляксандру і Жыгімонце I.

Мелі месца і з’явы адмаўлення некаторых татараў ад ісламу. Матывы маглі быць розныя: жаданне пазбавіцца сваёй “іншасці”, зліцца з асноўнай масай, мажліва, страх пераследу з боку хрысціян, імкненне атрымаць якія-небудзь выгоды. Пасля пераходу ў хрысціянства татары атрымоўвалі поўныя шляхецкія правы, у тым ліку звязаныя з удзелам у кіраванні і працы павятовых соймакаў. Тыповым прыкладам такога пераходу з’яўляецца сям’я Фурсаў, прадстаўнікі якой у сярэдзіне XV ст. прынялі праваслаўе, атрымаўшы шэраг зямельных наданняў, палітычных правоў і прывілеяў. Аднак, частка сям’і засталася вернай ісламу.

На нашу думку, менавіта мусульманская супольнасць, або “умет мусульманскі” (ад арабскага слова “*أمة*” – грамада, абшчына) у Вялікім княстве Літоўскім і Рэчы Паспалітай магла характарызавацца абагуленай назвай “татары”, “народ татарскі”. Гэта найперш стала вынікам стэрэатыпізацыі паралелі паняццяў “іслам” і “татары”, паколькі апошнія былі асноўнай этнічнай групай паслядоўнікаў гэтай рэлігіі.

У другой палове XVI ст. “татары” ВКЛ ужо выступаюць як адзіная этнічная група, якая склалася з розных народаў, цюркскіх і мангольскіх плямён (нагайцаў, казанскіх і крымскіх татараў, атурэчаных манголаў), магчыма, пэўнай колькасці беларусак і полек, якія далучыліся да супольнасці ў асноўным праз мяшаныя шлюбы. Існавала і невялікая верагоднасць папаўнення колькасці мусульман, дзякуючы прыняццю іслама славянамі.

Культурныя кантакты тутэйшых мусульман з ісламам у Асманскай імперыі, Паволжы і Крыме адсочваюцца праз наяўнасць шэрагу ўплываў суфізму на культуру беларускіх татараў. Пры гэтым спалучаліся элементы розных уяўленняў аб святасці з ісламу і

хрысціянства. Так, вядомая легенда пра лоўчыцкага аўлію мае падабенства з гісторыямі пра дэрвішаў-суфіяў і праваслаўных святых.

Многія з татарскіх пасяленцаў за сваю ваенную службу атрымлівалі шляхецтва. Аднак заканадаўства забараняла ім мець прыгонных-хрысціян, жаніцца на хрысціянках, што абумовіла этнаканфесійную эндагамнасць татараў-мусульман. Татары-мусульмане не мелі права ўдзельнічаць у выбарах караля, у сойм і павятовыя соймакі, што не давала ім магчымасці актыўна ўплываць на палітычнае жыццё краіны (яны дзейнічалі толькі праз пасярэдніцтва дэпутатаў, абраных хрысціянскай шляхтай).

Сацыяльнае становішча мусульманскага насельніцтва на беларускіх землях было дыферэнцыяваным і залежала ад многіх фактараў: знатнасць, род заняткаў, адносіны з дзяржаўным чынавенствам, асабістыя заслугі і інш. Лічым важным указаць на некаторыя асаблівасці прававога становішча мусульман ВКЛ. У праве Княства маецца шэраг артыкулаў, якія вызначаюць асабістыя і палітычныя правы і абавязкі ваеннаслужылых татараў. Князі, мурзы, уланы і ўсе мусульмане, якія неслі вайсковую і дзяржаўную службу, прыраўноўваліся да шляхты. Раздзел “Аб земскай абароне” Статута 1588 г. абавязваў татараў нароўні з іншымі феодаламі несці вайсковую службу і прымаць удзел у вайне або выстаўляць замест сябе ратнікаў. Заканадаўства ВКЛ прадугледжвала свабоду веравызнання. У Статуце 1566 г. татарам (як і яўрэям, і “кожнаму бесурмяніну”) забаранялася мець у няволі хрысціян (раздз. 12, арт. 5). У гэтым жа дакуменце былі ўведзены галоўшчына і навязка для татарскіх феодалаў за забойства, нанясенне пабояў, паранаў і за абразу, як шляхце. Простыя татары караліся грашовым штрафам у значна меншых памерах.

У Статуце 1588 г. меліся некаторыя асаблівасці для татараў як прадстаўнікоў іншай рэлігіі у судзе. Яны павінны былі прысягаць “*наводле прывілеяў сваіх і закону свайго*”. Цікава, што за татарамі прызнавалася права сведчання, “*толькі б людзі добрыя, сумленныя і веры годныя*”.

Сацыяльны статус асобаў і катэгорый насельніцтва ў феадальным праве акрэсліваўся ў заканадаўчых дакументах, у прыватнасці у актах, вызначаўшых ступень абароны іх жыцця, здароўя і гонару. У гэтым сэнсе найбольш паказальныя грашовыя штрафы за забойства, раненне, за знявагу асобы. Памер іх быў дыферыцыраваны для розных груп насельніцтва. Самы высокі быў

вызначаны для шляхты (ад дробных шляхціцаў да магнатаў – як для прывілеяванага саслоўя аднолькава для ўсіх яго слаёў).

Татары-мусульмане ВКЛ належалі да шляхты, таму яны былі абавязаны служыць з зямлі. Зямельныя пажалаванні караля Рэчы Паспалітай татарам Вялікага княства Літоўскага называліся татаршчынамі. За некалькі валок зямлі (валока – каля 20 га) татарын павінен быў конна са зброяй з'яўляцца па загаду караля ці гетмана і ўдзельнічаць у войнах. Калі татарскі воін гінуў на вайне, а ў яго падрастаў сын, то да яго паўналецця сям'я загінулага карысталася татаршчынай, а далей залежыла ад таго, ці працягваў вайсковую службу бацькі сын. Калі пасля смерці татарына-воіна заставалася ўдава, то яна таксама карысталася зямлёй да сваёй смерці. У адрозненне ад наданняў зямельных надзелаў вялікім князем літоўскім так званым зямлянам, карыстальнікі татаршчынаў не мелі права прадаваць, перадаваць па спадчыне, абменьваць татаршчыны на шляхецкія, зямлянскія землі. Калі ж хто-небудзь з хрысціян купляў ці іншым шляхам прыдбаў татаршчыну, то ён быў павінен несці вайсковую службу ў поўным аб'ёме ў татарскай харугве, або на працягу двух гадоў перадаць татаршчыну ўладам. Практычна, ніхто з новых гаспадароў не хацеў выконваць вайсковыя абавязкі на ўмовах, якія выконвалі татары. Рэвізія Кярдзея 1631 г. паказала, што ў параўнанні з 1559 г., калі праводзіўся Агінскі перапіс татараў, колькасць татар-вершнікаў, якіх набіралі за кошт татар – карыстальнікаў татаршчын скарацілася ў 3-4 разы. У большасці еўрапейскіх краін у гэты час фарміраванне войска за кошт карыстання зямельнымі надзеламі згубіла значэнне, памеснае землекарыстанне захавалася толькі у Вялікім княстве Маскоўскім і Вялікім княстве Літоўскім, часткова на тэрыторыі Кароны (уласна Польшчы). На тэрыторыі Беларусі да гэтага часу захавалася некалькі населеных пунктаў з назвай Татарышчына (Татаршчызна), асобных урочышчаў, якія часта звязаны з назвай мінулых землекарыстальнікаў.

Попіс 1528 г. называе 544 татарскія сям'і, якія несці земскую службу і разам выстаўлялі ў войска 724 чалавекі. Спіс татарскага войска ў 1529 г. налічвае 673 коні. У ім названы наступныя аддзелы: харужства князя Івана (126 коней), сцяг харужага Абрагіма (118), харужствы Сейжала Мінбалавіча (82), Ахмет Улана Асанчуковіча (109), Сама Оліжкова (92) і князя Банька Сенковіча, атамана Нурум Улана (53), клецкіх татараў (17).

Паводле першай рэвізіі татарскіх маёнткаў, у 1559 г. у шасці харугвах татарскага войска павінна было налічвацца 652 коннікі.

Татарскія харугвы мелі сваіх харунжых, але іх кампетэнцыя абмяжоўвалася арганізацыйнымі функцыямі. У XVII ст. лёгкія конныя харугвы татараў звычайна выкарыстоўваліся для выведкі, пераследу непрыяцеля, у паштовай камунікацыі. Цікава, што калі ў Княстве тамтэйшыя татары змагаліся з казакамі, то ў Кароне, наадварот, запарожцы дзейнічалі супраць туркаў і татараў-крымчакоў, якія былі іх агульнымі ворагамі.

У другой палове XVIII ст., паводле розных звестак, колькасць татараў-мусульман складала ад 30 да 60 тыс. чалавек. Да канца XVIII ст. мусульмане пераважна насялялі гарады і іх ваколіцы: Вільня, Наваградак, Менск, Полацк, Гродна, Беласток, Варшава.

Заўважым, што татары ў гэты час не былі адзінымі прадстаўнікамі іслама ў Вялікім княстве Літоўскім. З XVI ст. тут вядомыя пяцігорцы – кабардзінцы, ці чаркесы – выхадцы з Пяцігор'я, што паміж Церакам і Кубанню. Першыя роты пяцігорцаў – лёгкая конніца, узброеная дзідамі, шаблямі, лукамі – з'явіліся ў 1560-х гг. Пяцігорцы ўтваралі ядро аддзелаў лёгкай конніцы з людзей пераважна кабардзіна-татарскага паходжання, што ад казакаў розніліся не толькі строем ды кароткімі дзідамі, пра якія гаворыць Г. Сагановіч, а яшчэ і сваім веравызнаннем. У час праўлення С. Баторыя (1576 – 1586) пяцігорцы разам з казакамі складалі блізу 10 % дзейнай конніцы Княства. Добра вядомы фармаванні XVI ст.: роты Халім-Бека і Гаўрылы Камбулатавіча. У вайне з Маскоўскай дзяржавай у 1661 г. удзельнічалі 12 валошскіх і татарскіх харугваў агульнай колькасцю 1470 коннікаў (харугвы Ермаловіча, Абрамовіча, Сенкевіча, Бараноўскага, Гасана і інш.).

Працэс асадніцтва мусульман на тэрыторыі Беларусі адбываўся прынамсі з канца XIV ст. і працягваўся яшчэ і ў XVI ст. Відаць, XV – XVI стст. можна датаваць паступовае фарміраванне мусульманскай супольнасці на беларускіх землях Вялікага княства Літоўскага.

Сергей Мискевич

Интервью у Розы Казакевич

17 – 21 сентября 2018 года Беларусь посетила делегация американских татар, которые побывали в родных местах своих предков, помолились на мизарах и в мечетях, встретились с родственниками и знакомыми. Особенно тёплой состоялась встреча в Ивье, где многие познакомились со своими родными.

Сегодня мы разговариваем с Розой Казакевич, жительницей Ивья, о её родственниках, уехавших в США, а также о судьбах тех, кто остался в Беларуси.

С.М.: Роза Мустафовна, расскажите, пожалуйста, кто и когда из Вашей семьи уехал в Америку.

Р.К.: До недавнего времени я знала лишь то, что рассказывал мне папа, Мустафа Ибрагимович Шабанович. Его родители, Ибрагим и Айша Шабановичи, жили в Ивье, у них было четверо детей – Анифа, мой папа Мустафа, его братья Халиль и Ян. Однажды, во время грозы, когда дедушка Ибрагим вёл лошадь с луга домой, в них ударила молния, и дедушка погиб. Спустя некоторое время бабушка Айша оставила детей на свекровь и уехала в Америку к своим братьям, которые перебрались туда ранее. Там она вышла замуж за Сэма Лебеда и родила от него ещё 3 детей.

После революции бабушкина сестра Анна Шабанович, жившая в Делятичах, забрала мою тётю Анифу, и они обе уехали в США. Там тётя вышла замуж за Сюлеймана Якубовского, у них родилось трое детей. Одно время мы вели переписку с ними, но затем связь оборвалась.

С.М.: Как сложилась судьба у Вашего папы и его братьев, когда они остались без родителей?

Р.К.: У моего дедушки Ибрагима в Кореличах жила сестра Фатима. У неё был муж Якуб Щенснович, который работал экономом у генерала в его имении в Полужье, и 4 дочки – Аминя, Мерьема, Зина и Анифа. Она взяла на воспитание моего дядю Халиля. Потом началась Первая мировая война, приближался фронт, и Якуб Щенснович, опасаясь за дочерей, решил уехать на восток, в Казань. Дядю Халиля они оставили у жены генерала, которая смотрела его на протяжении всего военного лихолетья 1914 – 1921 годов. После возвращения из эвакуации Фатима и Якуб забрали Халиля и поселились в деревне Заболотье недалеко от Корелич. Жена генерала дала дяде Халилю

денег, и он вскоре смог купить лес и построить дом в Ивье. Папа и дядя Ян жили в Ивье, и спустя какое-то время также завели свои семьи.

С.М.: Расскажите о Щенсновичах.

Р.К.: В Кореличах, кроме Щенсновичей, жили и другие татарские семьи, среди которых знаю Александровичей. Фатима и Якуб с дочками по возвращении из эвакуации жили в Заболотье, имели много земли. Старшая дочка Аминя в Казани познакомилась с Османом Щуцким, уроженцем Ивья, вышла за него замуж и уехала с ним в Ивье. Вторая дочь, Мерьема, или, как называли её, Марухна, с мужем Брониславом Казакевичем из Иваново жили в Заболотье с родителями, имели 6 детей, из которых на сегодняшний день жива лишь Анна Богданович в Новогрудке. Зина была замужем, но детей не имела. Анифа вышла замуж в Новогрудок за Адама Радкевича, у них было трое детей – Мария Якубовская, Мустафа и Матвей. После смерти Якуба Щенсновича похоронили в Кореличах на мизаре.

Вместе в ними в Казани была ещё одна семья Щенсновичей, из Новогрудка. Знаю только, что кто-то из них уехал в США, стал там футболистом, а Куба после Второй мировой выполнял обязанности имама в Новогрудке.

С.М.: Где находится Заболотье?

Р.К.: Заболотье – это небольшая деревня в 8 км от Корелич по дороге на Валевку. Совсем рядом находится деревня Полужье, где жила жена генерала. Недалеко также расположены деревни Сегда и Малюшичи, где жили татары. В Заболотье я вышла замуж за Якуба Казакевича, сына Марухны и Бронислава, о которых я рассказывала ранее. Здесь мы жили и работали до переезда в Ивье. На то время семья мужа была единственной татарской семьёй в деревне, хотя местные жители упоминали о том, что до войны здесь проживало несколько знатных татарских родов. Сохранился небольшой мизар, на котором похоронены Заблоцкие, Соболевские, Корицкие, Кричинские, Юзефовичи. Говорили, что мизар есть и в Малюшичах, и в Полужье, но там я не бывала. Генерал с женой также были татарами, но фамилий не знаю.

Слева направо стоят: Самуил Лебедь, Анифа Якубовская (Шабанович), Стэфан-Бен Якубовский, Мерьема Якубовская (Богданович), Сюлейман Якубовский, Танзиля-Диана Кальвейт (Лебедь), Иосиф Лебедь. Сидят Сэм Лебедь, Айша Лебедь (Шабанович), Мэй Курманович (Якубовская).

С.М.: Помог ли визит американских татар Вам узнать больше о своих родственниках?

Р.К.: К большому сожалению, я узнала о визите уже после. Как оказалось, была моя двоюродная сестра Эллен Рафалович-Хомайюн

(Лебедь) и троюродный брат Роберт Шабанович, о существовании которых даже не подозревала.

С.М.: Благодаря тому, что невестка сводной сестры Вашего папы, Сьюзан Кальвейт, занялась составлением фамильного древа Шабановичей ещё в начале 1990-ых годов и передала свои наработки Роберту, у нас была возможность опросить общих родственников и установить точное родство. Оказалось, что дедушка Роберта, Ибрагим Мустафович Шабанович, уехал в США с братом Иосифом в числе первых эмигрантов из Ивья. Там они и остались, создали семьи. Ибрагим стоял у истоков создания первого мусульманского сообщества в США.

Р.К.: Да, а после смерти мужа к нему отправилась его сестра Айша, моя бабушка. От второго мужа, Сэма Лебеда, у неё родилось ещё трое детей – Танзиля (Диана), Самуил и Иосиф. Иосиф – отец Эллен, которая и приезжала в Ивье в сентябре.

Мою тётю Анифу забирала с собой в Америку бабушкина сестра Анна, жившая в Делятичах, по мужу также Шабанович. Её муж Адам Иосифович Шабанович, брат Адама Мустафа и сын Адама Иосиф перебрались в США ранее. В Делятичах остались два сына Адама и Анны – Александр и Ибрагим, а также дочка Аминя, которая вышла замуж за Захара Ивановича Радкевича. Мы предполагаем, что Анна отправилась в Америку после того, как у её сына Иосифа в США умерла в 1933 году жена Фатима, урождённая Муха, оставив троих детей – Анну (позже Сафаревич), Ибрагима и Розу (позже Гембицкая).

С.М.: Когда Анна и Адам Шабановичи жили в Делятичах, они имели много земли. Благодаря документам, сохранившимся у внука их дочери Амини, стало известно, что в 1893, 1894, 1910, 1915, 1923 годах они покупали большие участки у своих соседей, среди которых упоминаются Мустафа, Давыд, Салих, Якуб Шабановичи, Халиль Весновский.

Р.К.: У моей тётки Анифы Якубовской (Шабанович) в Америке был муж Сюлейман Якубовский, родом из Милькун, что рядом с Поставами, и 3 детей – Стэфан-Бен, София и Мэй, из которых ещё жива дочь Мэй, по мужу Курманович, а также внуки, правнуки, праправнуки. Также родственники по бабушке есть в Новогрудке, Литве, Ляховичах и Ивье.

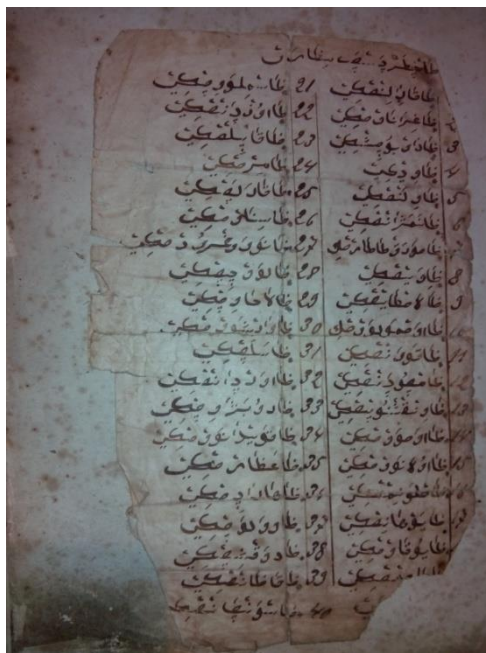
С.М.: Нам также удалось найти несколько фотографий Ваших родственников в США.

Сергей Мискевич

Удивительная загадка истории

Как-то раз, просматривая печатный Коран 1907 года издания, принадлежащий семье Сафаревичей в Узде, я обнаружил в нём маленький вкладыш с текстом, написанным арабскими буквами. С первого взгляда мне показалось, что это вырванная страница из хамаила, содержащая оглавление разделов хамаила, однако подробное изучение фрагмента привело к невероятным открытиям.

Заглавие вверху страницы содержало надпись «Za czterdzieście mizarau», что в переводе означает «За сорок мизаров». Далее шёл список из сорока мизаров, находящихся в данный момент как в Беларуси, так и Литве и Польше. Большинство из них сохранилось до наших дней и приведены в таблице, однако некоторые недействующие (подчёркнуты):

Список мизаров

<u>Каролинский</u>	Гириновский	Довбутишский	Видзский	Ордянский
Немежский	Сороктатарский	Ивейский	Ластайский	Городищенский
Осмоловский	<u>Студянский</u>	<u>Винкшнупский</u>	Слонимский	Докшицкий
Смиловичский	Узденский	<u>Копыльский</u>	Мирский	Свентянский
Новогрудский	Ловчицкий	Ляховичский	Варшавский	

Есть в списке и уничтоженные мизары: Виленский, Ковенский, Синявский. Виленский мизар находился на Лукишках на левом берегу реки Виляя. На территории мизара стояла старинная деревянная мечеть, уничтоженная вместе с мизаром в послевоенное время. Такая же судьба постигла и Ковенский мизар, однако здание мечети, находившееся на территории мизара, уцелело. Синявский мизар располагался в поле на северо-восток от местечка Синявка в Клецком районе и считался у татар святым местом. К сожалению, его распахали после войны.

Среди упомянутых есть в списке также уже заброшенный Селецкий мизар. Он находится в Сморгонском районе, на восток от деревни Селец, на высоком холме. Захоронения оформлены камнями, но лишь один имеет надпись-шахаду. По легенде, в Сельце

находилась изначально мечеть, впоследствии перенесённая на мизар в Довбучки. Является недействующим уже более нескольких столетий, однако, как видим, значение это место не утратило, если было отображено в списке.

Наибольший интерес в списке представляют мизары, месторасположение которых установить не удалось. Они не присутствуют в календаре, изданном в 1937 году муфтиятом в Вильне, а также в другой доступной литературе. Это:

- Осовский. В Беларуси есть деревни под названием Осово в Глубокском, Докшицком, Чашницком, Новогрудском, Лидском, Березинском, Мядельском, Минском, Пуховичском, Столбцовском и многих других районах. Какая из них упоминается в списке, неизвестно.
- Улановский. Наиболее вероятное месторасположение – деревня Улановщина по дороге между Новогрудком и Новоельней. Рядом с Улановщиной находится деревня Корица, в которой, в соответствии с календарём 1937 года, есть мизар. Между Корицей и Улановщиной находится урочище «Татарское кладбище», что частично подтверждает гипотезу. Вторая возможная локация – деревня Улановщина Радуньского сельсовета Вороновского района. Именно здесь, рядом с Улановщиной, до 1950-ых годов находилась одна из самых старинных мечетей – Некрашунская. На сегодняшний день сохранились 2 мизара, а в литературе их упоминалось 5 штук. Удивительно, что в списке отсутствует сам Некрашунский мизар.
- Койдановский. Доподлинно известно, что татары в Койданово (ныне Дзержинск) проживали (представители фамилий Асанович, Канарский, Якубовский и др.), однако организованной общины и мечети не имели. Есть письменные свидетельства о наличии собственного имама и мизара, но точное месторасположение установить не удалось. В послевоенное время умерших хоронили в Узде и Смиловичах.
- Рубежевичский. Ныне Рубежевичи находятся в Столбцовском районе Минской области, в 16-ти километрах от Дзержинска. Нет никаких письменных упоминаний о татарах в самих Рубежевичах, но в окрестностях татары жили в Засулье, Мире и др.
- Юковский. Вероятнее всего, имелись ввиду Ювковцы, что на Волини в Украине. Там длительное время существовало татарское сообщество со своей мечетью и мизарами. На

сегодняшний день мизар сохранился, частично повреждён, недействующий.

- Евганишский. Нет никаких данных.
- Каролецкий. Возможно, Кореличский, который сохранился до наших дней. Недействующий с 1970-ых годов ввиду отсутствия татар. Находится на юго-западной окраине города рядом с бывшей деревней Огородники, не ограждён, сильно заросший.
- Озерский. Наиболее вероятно, что это деревня Озеро в Узденском районе. Однако нет доступных данных о проживании в ней татар и наличии мизара. Рядом находится деревня Басмановка, где наличие татар было бы более вероятным.
- Волоский. Возможно, это деревня Волок в Узденском районе, однако нет данных о проживании там татар. Или Воложинский, что также маловероятно.
- Казанский. Вероятно, имеется ввиду город Казань, столица Татарстана.
- Из-за оборванного края листа не удалось установить два названия.

Как видим, список содержит внушительное количество мизаров, находящихся по всему ареалу расселения татар Великого Княжества Литовского. Наличие в списке Докшицкого мизара позволяет предположить, что список составлялся не раньше 1910-ых годов, поскольку примерно в это время данный мизар был заложен. Наиболее вероятное место составления списка – местечко Копыль или Узда, поскольку там проживали предки владельцев Корана – представители родов Якубовский, Сафаревич, Хасеневич.

Удивительно, что в списке нет мизаров в Новой Мыши, Березино, Ракошичах, Заболотье, Полянах, Малюшичах, Плешевичах, которые располагаются относительно близко от Узды или Копыля. Мизары в Рейжах, Базарах, Богониках, Крушинянах, Лебедеве, Скиделе, Липовке, Ольковичах, Сандыковщине, Белице, Людвиново, Казакларах, Мерешлянах, Салоках могли не попасть в список из-за своей удалённости, однако наличие Ювковцов, Студянки, Винкшнуп и Видз свидетельствует об обратном. Мизары в Амбросовичах (заложен в 1919-ом году), Милькунах, Бегомле, Яковишках на момент написания списка ещё не существовали.

Таким образом, предполагаемое время составления списка – первая четверть 20 века. Вряд ли автор посещал все указанные

мизары, однако мог узнать о них как из более ранних записей, так и от других лиц.

Сергей Мискевич

Из истории мусульман Новогрудка

Первые упоминания о татарах-мусульманах в Новогрудке и окрестностях датируются XV веком. Первоначально это были жители соседних Ловчиц, где до наших дней существует деревянная мечеть. Затем возникла колония в самом Новогрудке, а также по несколько семей появилось в окрестных поселениях Заболотье, Малюшичи, Кореличи, Городище, Делятичи, Корица, Попелевичи, Крошин, Сегда, Валевка и т.д. Занимались выделкой кож, сельским хозяйством, однако среди них были также и служащие, и военные, и землевладельцы.

По фамильному составу в Новогрудке и окрестностях проживали представители фамилий Богданович, Лебедь, Александрович, Радкевич, Полторжицкий, Рызванович, Шегидевич, Алиевич, Мурзич, Корицкий, Сафаревич, Якубовский, Щенснович, Смайкевич, Рафалович, Асанович, Весновский, Гембицкий, Мухля. Более знатные представители мусульман жили в собственных имениях. Среди них такие фамилии, как Базаревские, Туган-Барановские, Кричинские, Сулькевичи, Мусичи.

Татарский бал на Байрам в Новогрудке в межвоенное время

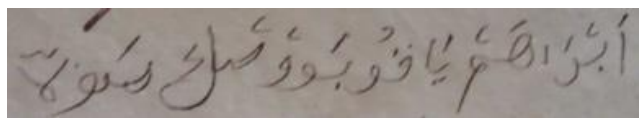
Долгое время мусульмане Новогрудка относились к мечети в Ловчицах, которая является одной из самых древних на территории Беларуси. В 1792 году было выдано разрешение на строительство собственной мечети, которое завершили в 1796 году.

Интересные факты из жизни общины предоставляет судебное дело 1821 года, когда была предпринята неудачная попытка подчинить новогрудских мусульман ловчицкой мечети. В заявлении, составленном новогрудским судьёй Ибрагимом Корицким, утверждалось, что новогрудский городничий незаконно удалил Ахмета Асановича с поста новогрудского имама. Судья просил «об утверждении муллою Новогрудского магометанского мечета Ахмата Асановича и о удалении бывшего до того времени в таковой обязанности Мустафу Мухлю»). Однако Мустафа Богданович Мухля остался имамом в Новогрудке, поскольку его избрало большинство мусульман на общем собрании, а Ахмет Асанович – имамом в Ловчицах.

Стоит отметить, что сын имама Ахмета, Мустафа, впоследствии также занимал пост имама в Новогрудке. Среди имамов Новогрудка, кроме вышеуказанных, были Самуил Лебедь, Якуб Лебедь, Али Богданович, Ибрагим Мустафович Якубовский, Бекир Шегидевич, Якуб Адáмович Мухля, Эмир Сюлейманович Байрашевский, Селим Сафаревич.

**Печать имама
Богдановича в
1852 году**

**Подпись имама Ибрагима
Якубовского**

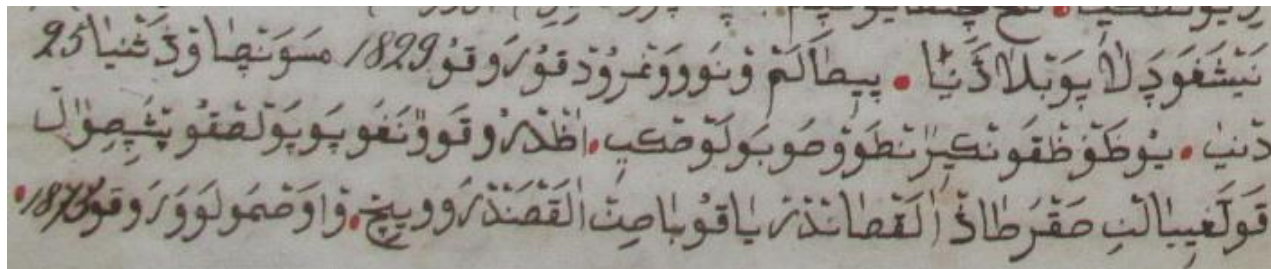

**Печать имама-
хатыба
Богдановича в
1876 году**

О религиозном уровне новогрудских мусульман свидетельствует также тот факт, что здесь в первой половине XIX века Иосиф Соболевский перевёл Коран на польский язык. Стоит

отметить также обилие рукописной литературы, такой как хамаилы, китабы, Кораны, написанной в Новогрудке и окрестностях.

В начале XIX века мусульмане Новогрудка активно пополняли общины других деревень и местечек. Так, большое количество семей в Узде, Клецке, Минске, Смиловичах, Ивье имеют именно новогрудское происхождение.

«Pisałem w Nowogrodzku roku 1829 miesiąca września 25 dnia Józef z Konkirantów Sobolewski. A z drukowanego po-polsku przepisywał kolegiálny sekretarz Aleksander Jakuba syn Aleksandrowicz w Osmołowie roku 1873 miesiąca stycznia 12, czyli po-arabsku وذل القعدة 25 دنيا»
«Писал в Новогрудке 1829 г., месяца сентября 25 дня Юзеф из Конкирантов Соболевский.

А с печатного по-польски переписывал коллегуальный секретарь Александр, Якуба сын, Александрович в Осмолово, 1873 года месяца января 12, а по-арабски зуль-каада 25 дня».

После 1945 года большая часть татар-мусульман Новогрудка во главе с имамом Селимом Сафаревичем и муэдзином Бекиром Ибрагимовичем Радкевичем выехала на западные земли Польской Народной Республики, основав общины в Гожуве, Вроцлаве, Познани и др. В связи с этим, а также из-за нарастающей политики атеизма и закрытия мечети в 1948 году религиозная жизнь новогрудских мусульман стала затухать. Однако, неофициально обязанности имама выполняли Якуб Сюлейманович Щенснович, а также Александр Самуилович Рафалович, бывший имам в Довбутишках.

Татары Новогрудка в межвоенное время. В центре муэдзин Бекир Радкевич

Мусульмане Новогрудка хоронили умерших на городском мизаре, однако в послевоенное время в связи с его заполнением стали хоронить в Ловчицах. Последнее захоронение в Новогрудке было произведено в 1972 году.

Группа новогрудских мусульманок перед мечетью в 1938 году.

После 1991 г. община возродилась, имамом стал Али Амуратович Шегидевич, а председателем – Борис Адамович Шегидевич. Здание мечети вернули мусульманам и в 1997г. прошло торжественное открытие. В настоящее время имам мечети – Якуб Иосифович Александрович.

Сергей Мискевич

Судьбы имамов XX века

Социально-политические события I-ой половины XX века наложили отпечаток на все аспекты жизни людей, включая религиозную сферу. Не обошли они стороной и Ислам, который исповедовали татары-мусульмане Беларуси на протяжении более шести веков.

С момента поселения на территории ВКЛ татары проживали отдельными общинами, сохраняя, тем не менее, связь между собою, о чём свидетельствуют сложившиеся уникальные традиции. Немаловажную роль в этом сыграло наличие собственных религиозных деятелей, образованных людей, служащих примером всем остальным верующим. Имамы, муэдзины, годжие, переписчики книг – вот о ком пойдёт наш рассказ сегодня.

Поскольку татарских населённых пунктов на территории ВКЛ было множество, и происходила их постоянная динамика (одни исчезали, другие появлялись, менялся численный состав), то со временем сложилась обширная сеть мечетей, обслуживавших определённые территории (приходы, общины), не связанные с административным делением.

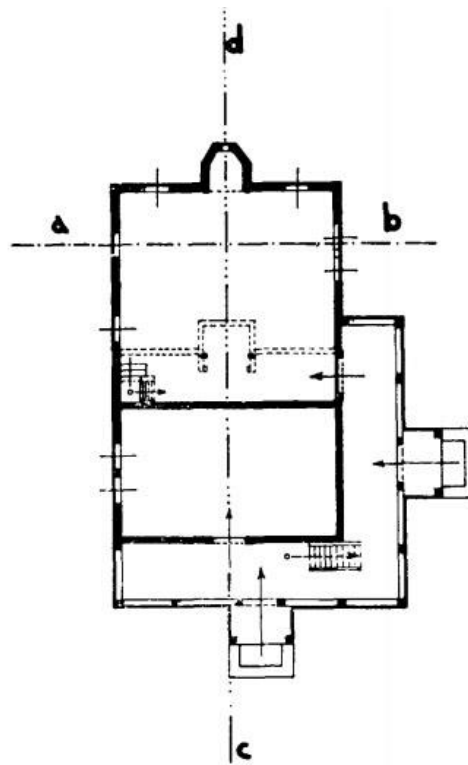
Во главе каждой общины стоял имам, проводивший религиозную работу. Административные вопросы, а также религиозные, в отсутствие имама решал муэдзин. Он же, как правило, затем становился имамом. В некоторых больших по площади общинах (например, Довбутишской) было несколько муэдзинов в отдалённых поселениях, выполнявших повседневные религиозные обязанности, смотрящих за мизаром и т.п.

За обучение детей основам религии и арабской письменности отвечали годжие. Это могли быть мусульмане любого возраста, не обязательно грамотные, но знавшие арабский алфавит и правила чтения. Часто эти обязанности выполняли имамы, муэдзины, женщины, а также подростки из числа бывших учеников.

После раздела Речи Посполитой и вхождения в состав Российской империи общины татар Гродненской, Минской и Виленской губерний были подчинены Таврическому муфтияту в Крыму. Имамы теперь избирались и утверждались, разрешения требовались также на ремонт и строительство мечетей. В муфтият отправлялись выписки из метрических книг. В это же время происходило дробление общин, появились новые мечети в Узде, Клецке, Видзах, Мяделе, Ивье, Смиловичах, Копыле и т.д.

После Первой мировой войны и установления новых границ мусульмане бывшего ВКЛ оказались разделёнными между Польшей, БССР и Литвой. В Польше был основан собственный муфтият во главе с муфтием. В Литве религиозная жизнь также шла без препятствий, что нельзя сказать о БССР, где уже до войны татарам был нанесён существенный ущерб.

После Второй мировой войны мусульмане были разделены между Польской Народной Республикой и СССР, а после 1991 года – между Республикой Беларусь, Польской и Литовской Республиками.

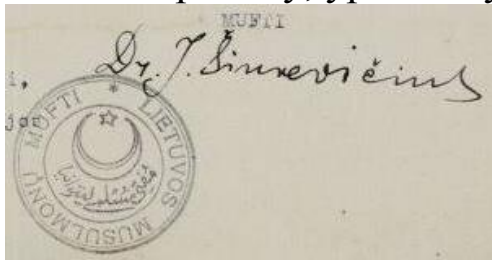

**План мечети в
Довбутишках**

На фотографии ниже запечатлён состав муфтията Второй Речи Посполитой. Здесь в центре – муфтий, доктор философии Якуб Сюлейманович Шинкевич.

Он родился в 1884 году в Ляховичах, учился в Минске, Петербурге, Берлине, Каире, Иерусалиме, посещал Турцию, Болгарию, был в хадже. Возглавил муфтият в Вильне, работал над установлением связей с мусульманскими странами, строительством и ремонтом мечетей, изданием литературы. С 1939 по 1941гг. формально продолжал выполнять свои обязанности, но уже в Литовской ССР. Во время войны работал в Минске, затем уехал в Египет, а в 1952г. – в США. Проживал в городе Wolcott, штат Коннектикут. Похоронен в том же городе на кладбище New Pine Grove Cemetery вместе с женой Лидией Ивановной Тальковской, которая была родом с Ластаи. Во время отъезда из Минска Якуб Шинкевич взял с собой часть документов и фотографий, которые затем передал имаму в Нью-Йорке Адаму Мустафовичу Александровичу, уроженцу Клецка.

**Подпись и печать
муфтия Я. Шинкевича
после 1939 года**

Вместе с Якубом Шинкевичем из Минска уехала часть потомков минского имама Мустафы Смайкевича, его дальнего родственника.

На фото рядом с муфтием сидит его племянник (сын родной сестры) имам Али Исмаилович Воронович. Его трагической судьбе был посвящён целый цикл публикаций в журнале «Байрам» в 1990-ых годах. Жена Али Вороновича, Ева Хасеневна Якубовская, уроженка Клецка, после

войны уехала в Польшу вместе с дочерью Тагирой. Тагира, по мужу Щенснович, в настоящее время живёт там же, с дочкой Камиллой.

На фото: слева сидит имам Али Алладинович Криницкий, уроженец Сандыковщины. Родился в 1890г., возглавлял общину в Некрашунцах, одну из самых старинных на территории ВКЛ. После войны жил в Сандыковщине, имел жену Софию Ивановну Вильчинскую. Её брат Магомет был женат на сестре Криницкого – Еве. У Али и Софии родилась дочь Ева, по мужу также Криницкая, и внуки Роман и Ольга Абрамейко.

На фото: над муфтием стоит имам Лют Адамович Мухля. Родился в 1902 году в д. Сидры возле Сокулки, был в эвакуации во время Первой мировой войны в Казани. Возглавлял общину в Довбутишках после имама Бекира Мустафовича Рафаловича. Был женат на Еве Александровне Ильясевич. Её отец, Александр Давыдович Ильясевич – владелец имения Теодорово возле Ковно, совершил хадж, спонсировал строительство мечети в Ковно. После войны Лют и Ева переселились в Польшу, где он учил детей, переписывал книги. Они имели детей Тамиру Полторжицкую и Фариду Шегидевич. Подробнее о судьбе Люта Мухли написано в журнале «Байрам» №43.

Могила муфтия Я. Шинкевича в США

На фото: слева от Люта Мухли стоит имам Яхья Александрович Мискевич. Он родился в 1883 году в Мире, имел брата Бекира, переехавшего в США, сестру Фатиму Алиевич-Радкевич, также в США, и сестру Анифу Богданович в Мире. Примечательно, что его племянник Ибрагим Сюлейманович Алиевич был имамом в Нью-Йорке. Яхья Мискевич был женат на Айше Ибрагимовне Александрович из Городища. Детей не имели, но Айша от первого мужа Салиха Мустафовича Гембицкого из Городища имела дочь Лиму Байрашевскую. Яхья с женой и семьёй падчерицы уехали в Польшу после войны.

Остальные люди на фото входили в состав муфтията, но не были имамами. Это Якуб Романович, уроженец Олекшишек, уехавший в Польшу после войны, Леон Кричинский, расстрелянный в 1939г., и др.

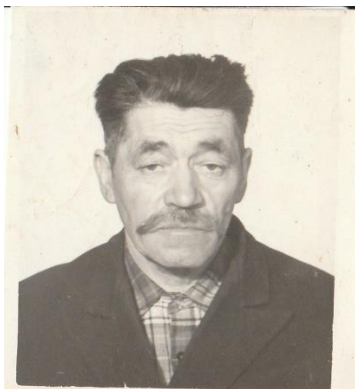

Мечеть в Довбутишках, 1950-ые годы

Что касается остальных имамов, то судьба их сложилась по-разному. Так, имам в Клецке Мустафа Иосифович Александрович выполнял обязанности и после войны, но уже без мечети, сгоревшей в 1944 году. Был вынужден сложить полномочия в начале 1950-ых годов, но продолжал исполнять их неофициально. Имел детей Адама (имама в Нью-Йорке), Хасеня, Исмаила (муфтия Беларуси), Якуба.

В Ляховичах перед войной имамом был Давыд Османович Мурзич. Имел, как и все имамы в Ляховичах до него, титул хатыба. Умер в 1942 году, после чего имамы больше не избирались. Мечеть использовалась как склад, а затем разобрана в 1950-ых годах. Имам Мурзич от первой жены Танзили имел детей Фатиму Смайкевич, Якуба и Мерьему Якубовскую, а от второй Амини Бекировны Мискевич – Елену Богданович-Шабанович и сына Давыда. Сын Давыд выполнял обязанности имама в Мире после войны, а его внук Бекир Мурзич – имам в Минске в настоящее время.

Имам Селим Сафаревич и муэдзин Бекир Ибрагимович Радкевич из Новогрудка выехали в Польшу после войны. Бекир возглавил общину в Гожуве, которая состояла из переселенцев из Новогрудка, Городища, Клецка и др. В Новогрудке же обязанности имама неофициально исполняли Якуб Сюлейманович Щенснович и Али Самуилович Рафалович («Маршалок»), исполнявший до 1948 года также обязанности имама в Довбутишках.

**Мустафа
Якубовский, и.о.
имама в Мяделе**

В Мяделе до конца войны имамом был Али Адамович Адамович, который умер в 1945 году. После этот пост занял его сын Якуб, получивший в 1948 году официальное разрешение на осуществление религиозной деятельности. Однако мечеть в Мяделе после пожара в 1944г. не была восстановлена. Якуб уехал в Поставы, но проводил религиозные обряды на мизарах в Видзах и Мяделе. В Мяделе ему помогали в этом Мустафа Якубович Якубовский, в доме которого была

школа для обучения татарских детей, и Адам Хасеневич Смольский. Сын Мустафы Якубовского – Александр – в настоящее время имам в городе Глубокое.

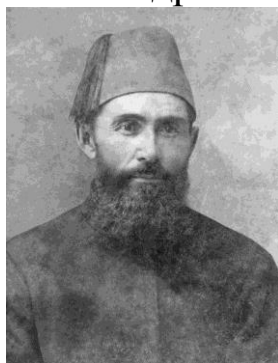
В Видзах до революции пост имама занимал Хасень Магометович Ильясевич. Был также известен как переписчик

религиозных книг. Имел жену Зулю и детей Азиза, Магомета и Фатиму. Во время Первой мировой войны перед наступающим фронтом уехал с семьёй в эвакуацию в Крым. Там он и жена умерли, похоронены в Симферополе, а дети после войны вернулись в Яковишки. В межвоенное время в Видзах

Мечеть в Видзах, 1937 год

обязанности имама и годжего выполнял Якуб Адамович Мухля, уроженец Крынок, что возле Крушинян. До этого он был имамом в Довбутишках, учил детей в Новогрудке. Мечеть была разобрана в 1950-ые годы на постройку фабрики. После 1991г. председателем официально зарегистрированной общины стала Мерьема Адамовна Гембицкая. В настоящее время общину возглавляет Александр Александрович Ясинский.

**Имам в Видзах
Хасень
Ильясевич**

Местечко Городище до войны относилось к общине Новогрудка. Тут было более 20 семей татар и свой муэдзин – Мустафа Гембицкий, умерший в 1939-ом году, и Мустафа Шегидевич. Шегидевич, как и большинство татар из Городища, после войны уехал в Польшу, где возглавил общину в Эльблонге. Был женат на Мерьеме Мустафовне Гембицкой, имел детей Бекира, Магомета, Сюлеймана, Аминю, Гафара и Захара. В настоящее время в Городище никто из татар не проживает, но приезжают владельцы домов и родственники похороненных на местном мизаре.

Свои муэдзины были также на Ластае. Это Ибрагим Якубович Александрович с 1855 по 1891 год, затем его сын Леон, умерший в 1942г., а затем зять Леона – Бекир Амуратович Мусич, уроженец Орды, что под Клецком. В их доме на Ластае было помещение, приспособленное под молитвенный дом. В 1939г. владельцы ластайских усадеб – Тальковские, Кричинские, Ахматовичи, Сулькевичи – покинули свои дома, а в 1950-ые г. муэдзина вынудили переехать в Крево. В настоящий момент на Ластае остался лишь мизар, как свидетельство жизни татар в этих местах.

В Довбутишках после выезда Люта Мухли в Польшу имамом был Али Самуилович Рафалович. Первая его жена была Аминя Магометовна Смайкевич из Новогрудка, а затем Азыма Александровна Якубовская из Крево. Он выполнял обязанности имама в Довбутишках до 1948 года, а затем уехал в Новогрудок, где сменил Якуба Щенсновича, с которым они были женаты на родных сёстрах. В Довбутишках мечеть простояла без должного ухода, постепенно разрушаясь, до 1990-ых. Неофициально обязанности имама выполнял проживавший здесь же бывший муэдзин мечети Мустафа Давыдович Радкевич, умерший в 1978 году, а также приезжавший из Новогрудка бывший имам Али Рафалович.

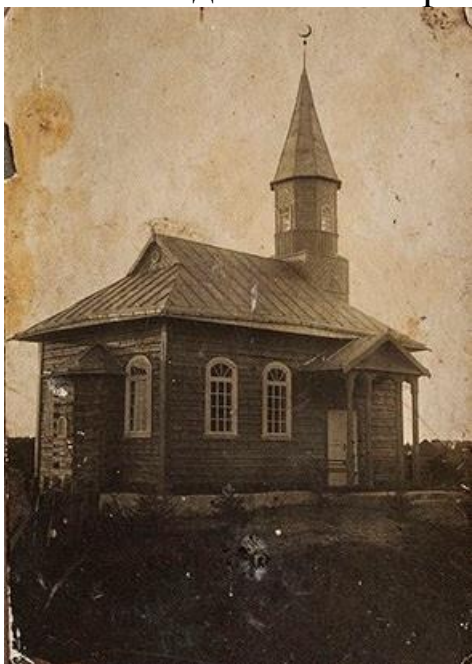
**Муэдзин мечети в
Довбутишках
Мустафа Радкевич**

В Слониме имамом перед войной был Камбер Александрович Смольский. Он родился в далёком 1868 году. От жены Амини Исмаиловны Байрашевской имел одну дочь Айшу. После смерти первой жены женился второй раз на вдове Амине Сюлеймановне Шинкевич, сестре муфтия и матери имама Али Вороновича. Занимал

должность имама слонимской мечети с 1929г. до самой смерти в 1944 году. В том же году при пожаре татарской слободы в Слониме сгорела мечеть. После войны обязанности имама выполняли Адам Мискевич, ветеран Хасень Мустафович Жданович. В настоящее время – Сулейман Матвеевич Байрашевский, восстановивший мизар и организовавший новое здание под мечеть.

Местечко Скидель, расположенное недалеко от Гродно, относилось к мечети в Богониках, затем к мечети в Некрашунцах. Тем не менее, здесь были свои муэдзины. Например, вышеупомянутый Лют Мухля учил здесь детей до того, как стал имамом в Довбутишках. После войны обязанности имама выполнял Давыд Иванович Милькаманович (1923 – 1996). Свой муэдзин был и в местечке Острино – Иван Магометович Асанович (1891 – 1968), живший в соседней околице Галеново.

В Глубоком до войны был построен молитвенный дом, который являлся филиалом мечети в Докшицах. Обязанности муэдзина выполнял Ибрагим Салихович Богданович. В послевоенное время уехал в Ивье, но не принимал участие в религиозной жизни местных мусульман. Был женат на Софии Хасеневне, имел сына Вольдемара, доктора, а также дочерей Марию и Лилию. В настоящее время имам в Глубоком – Александр Мустафович Якубовский, выполняющий религиозные ритуалы также в Видзах, Мяделе, Докшицах и других татарских поселениях Поозерья. Мусульманам Глубокого принадлежит мизар в урочище Амбросовичи, которое в прошлом являлось одним из татарским поселений Ильясевичей.

Мечеть в Некрашунцах

Мечеть в околице Осмолово была одной из самых старых на территории Беларуси. К ней были приписаны многочисленные татарские поселения как Слуцкого, так и Игуменского уездов – Клецк, Копыль, Узда, Ляховичи и т.п. До Второй мировой войны имамами здесь были Якуб Сюлейманович Ясинский, Ян Адамович Халембек, Али Адамович Байрашевский. Дети имама Ясинского – Давыд (1899 – 1962) и Мустафа уехали перед войной в Турцию. Сын имама Ясинского Матвей был женат на дочери имама Яна Халембека Мерьеме. А жена имама Ясинского Лима после смерти

мужа вышла замуж за вдовца, имама в Клецке Якуба Мустафовича Ждановича (имам с 1884 по 1936). Ян Халембек и Али Байрашевский после войны выехали в Польшу. Мечеть определённое время использовалась по назначению мусульманами Клецка, а затем была закрыта и разрушена, также как и мизар, находившийся вокруг мечети. В настоящее время рядом с Осмолово в лесу сохранился только мизар начала 19-го века как единственное упоминание о татарском наследии этого места.

Наилучшим образом ситуация сложилась в Ивье, единственном месте, где мечеть работала всё время после войны, была зарегистрирована община мусульман. Здесь после войны имамами были Мустафа Александрович Шабанович, затем Самуил Александрович Шабанович, Сюлейман Гамберович Рафалович, а в настоящее время – Адам Сюлейманович Радецкий. Мечеть вошла с список охраняемых государством памятников архитектуры.

Что касается восточной Беларуси, то здесь ситуация ещё более плачевная. Так, в Копыле татары проживали с начала XIX века. Мечеть построена во второй половине XIX века. Имамами были – Сюлейман Александрович Мискевич, умерший в 1911г., затем его сын Хасень (1885 – 1942). Мечеть разрушена в 1920-ых годах, а количество татар вследствие репрессий, выезда и смешанных браков сократилось до десятка на начало 1990-ых годов. В послевоенное время иногда проводили молитвы на мизаре немногочисленные местные мусульмане, а также гости из Клецка, Ляхович, Минска и Узды. Мизар сохранился, но в крайне запущенном состоянии. В 2017 году на нём впервые был проведён субботник.

В Узде в межвоенное время имамом был Магомед Амуратович Александрович, 1867 г.р. Его жена Ева Хасеневна Раецкая умерла в 1919г., оставив ему 7 детей. Второй женой стала Мерьема Магомедовна Якубовская, родила ещё двоих. В 1929г. семью имама выслали на север. Сына Ибрагима, проживавшего в Москве, расстреляли в 1937г. в Бутово. Сына Хасеня, проживавшего в Крыму, постигла печальная судьба тысяч крымских татар, выселенных в 1944г. в Узбекистан. Сын Асан был выслан на каторгу в Сибирь. Узденскую мечеть сожгли в 1935 году, во время войны её начали восстанавливать, но не успели. Имамом в это время неофициально стал Али Якубович Хасеневич (1872 – 1962), затем его брат Самуил (? – 1977). Среди молящихся был также Самуил Адамович Хасеневич (? – 1955), владеющий техникой исцеления (фалдей). Сохранились также переписанные им хамаилы и Коран. Также стоит отметить

Амурата Османовича Александровича, Захара Самуиловича Якубовского, Кубу Александровича Хасеневича, Адама Александровича Конопацкого, Матвея Хасеневича Конопацкого, Галину Якубовну Александрович, Фатиму Якубовну Александрович и др.

Новогрудские татары в Гожуве-Великопольском после 1945

О судьбе имамов и мечетей Минска и Смиловичах была целая серия публикаций в журнале «Байрам» и газете «Жизнь».

Небольшая группа татар-мусульман проживала в межвоенное время в Койданово (ныне Дзержинск). Это были представители фамилий Асанович, Якубовский, Канарский, Хасеневич, Александрович, Ахметханов. Мечети не имели, но был старинный мизар, не сохранившийся до наших дней. Хоронились в Смиловичах, Минске, Узде.

Татары отдельными семьями проживали также в таких поселениях восточной Беларуси, как Березино, где частично сохранилась часть мизара, Червень, Смолевичи, Дудичи, Руденск, Пуховичи, Новый Двор, Цнянка, Бегомль, где также сохранился мизар, Урупово, Петрово, Белое, Плещеницы и др.

Как видим, судьба имамов тесно переплетена с судьбами их мечетей и в полной мере соответствует событиям середины 20-го века, эпохи коренных изменений и потрясений, навсегда изменивших облик нашей многострадальной земли.

Сергей Мискевич

Смайкевичи

Двадцатый век называют периодом великих социально-политических потрясений по всему миру. Разрушались бывшие империи, создавались новые государства, менялись границы стран. Множество войн и вооружённых конфликтов, наряду со стремительным развитием техники и промышленности приводили к переустройству картины мира, меняли облик городов, стран, людей. В таких непрерывно меняющихся условиях выживали лишь сильные духом люди, способные противостоять вызовам и угрозам цивилизации. В этой статье я хотел бы рассказать о семье Мустафы Смайкевича, одной из многих тысяч других белорусских семей, уклад жизни которых был так жестоко нарушен социально-политическими преобразованиями двадцатого века.

Мустафа Смайкевич родился в местечке Ляховичи Слуцкого повета в многодетной семье Александра Сюлеймановича Смайкевича и Розы из рода Вороновичей. Был одним из 6 детей у родителей, имел братьев и сестёр Ибрагима, Хасеня, Сюлеймана, Лиму и Фатиму. Ляховичи на то время были центром одной из нескольких крупных мусульманских общин Северо-Западного края со своей мечетью, имамом и муэдзином.

К сожалению, не известно, какое образование получил Мустафа, однако в религиозных вопросах осведомлён он был прекрасно, что позволило ему в 1887 году занять пост имама мечети в окрестности Довбутишки, сменив своего предшественника, имама Селима Давыдовича Лебеда. Довбушки были центром самого обширного и наибольшего по численности мусульманского прихода, исторически охватывавшего даже Ивье и Видзы.

Здесь же, на Ошмянщине, имам встретил свою будущую жену – Аминю Радлинскую. Вскоре у них родились дети – сыновья Александр, Якуб, Сюлейман, Яхья, Хасень, Ибрагим и дочери Мерьема, Фатима, Зинаида, Айша.

Родной брат Мустафы, Ибрагим, в это время жил в Вильне. Он женился на Софии Халецкой, дочери имама мечети на Лукишках Юсуфа Бекировича Халецкого. После смерти тестя в 1922 году Ибрагим занял его пост. Имел двоих детей – сына Александра и дочь Мерьему. Был имамом до момента вторжения Красной армии в Вильню, а после войны в качестве репатрианта уехал с семьёй в Гданьск. Был одним из основателей мусульманской общины в Гданьске, выполнял обязанности имама. Его сын Александр после смерти отца также занимал пост имама.

Имам Смайкевич, его жена Аминя Радлинская (первая слева), мать Елены – из Рафаловичей, сестра Елены с мужем Макуловичем.

Что касается Мустафы, то он во второй половине 1890-ых годов с семьёй перебирается в Минск, где ему предложили должность имама минской мечети в связи со смертью прежнего – Сюлеймана Бицютки. Его место в Довбутишках занимает бывший имам в Ивье Бекир Мустафович Рафалович.

На то время мечеть в Минске была ещё деревянной. Недалеко от неё, по Большой Татарской улице, и поселился Мустафа Смайкевич. С ними жили мать Амине, урождённая Рафалович, а также сестра с мужем Макуловичем.

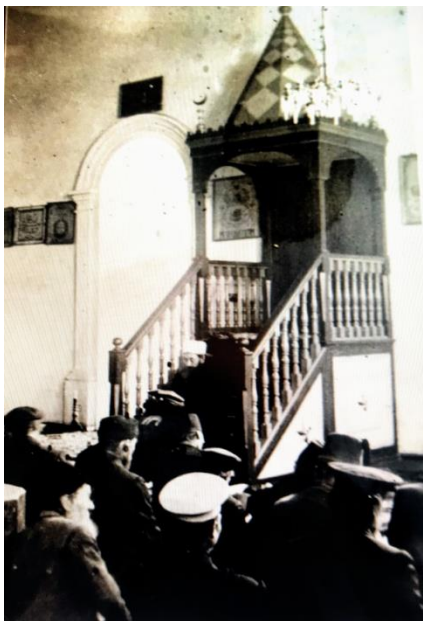
По воспоминаниям сына имама, Якуба Мустафовича Смайкевича, в семье как реликвии хранились 250-летний рукописный Коран, а также китабы, хамаилы, большое количество другой литературы и мугиры. Коран имел подстрочный перевод на белорусский язык, что позволяет предположить, что книга являлась тефсиром. Один из старинных китабов впоследствии был

Якуб и Галина Смайкевичи до выезда из Минска

передан брату имама Ибрагиму в Вильню, а Коран вместе с сыном имама Александром попал в США, где впоследствии затерялся.

На то время Минск был центром большой губернии, крупным железнодорожным узлом. Сюда стремились многие люди в поисках работы и лучшей жизни. Мусульмане не были исключением, поэтому в Минске их сосредоточилось более 2 тысяч, включая местных татар, занимавшихся огородничеством и кожевничеством, госслужащих из других населённых пунктов, военных, крупных землевладельцев, имения которых раскинулись вокруг города, и военнопленных – подданных Османской империи, поселённых в Минске после Русско-Турецкой войны.

Имам Смайкевич в исторической Минской Соборной мечети

Учитывая специфику того времени, а также уровень религиозности населения, мечеть на ежедневные и пятничные молитвы посещала огромная масса людей. Старая деревянная мечеть, построенная столетия назад, не справлялась с таким наплывом верующих, поэтому остро стал вопрос о строительстве новой. И Мустафе пришлось решать эту проблему сразу после вступления на должность имама.

Обсудив с прихожанами, Мустафа сформировал комитет по строительству каменной мечети, затем обратился к архитектору Смирнову. Тот создал проект, который, однако, не был одобрен властями. Причиной стал тот факт, что минарет новой мечети был выше, чем минский кафедральный собор. Новый проект с меньшим минаретом был утверждён в 1900-ом году, однако при строительстве его высоту оставили согласно первоначального проекта.

Новая мечеть, открытая в 1901 году, была массивным каменным зданием с мужским и женским отделениями. На церемонии открытия присутствовали как местные мусульмане, так и гости из соседних общин, а также представители властей.

Мустафа Смайкевич выполнял обязанности имама минской мечети до Первой мировой войны, после чего его сменили А. Сафаров, Хасень Сюлейманович Шункевич и Ибрагим

Подпись М. Смайкевича

Якубовский. Дата смерти Мустафы Смайкевича неизвестна, но он был похоронен на мизаре в Минске рядом со своими родственниками.

В конце 1920-ых годов пришло тяжёлое время государственной политики атеизма, террора и коллективизации. Мечеть закрыли и превратили в склад. Маховик репрессий 1930-ых годов не прошёл стороной семью Смайкевичей. Один из сыновей имама, Сюлейман, работавший бухгалтером в Министерстве земледелия, по обвинению в шпионаже был арестован и расстрелян в 1938 году. Второй сын, Хасень, также арестовывался. После отбытия наказания вернулся в Минск, где умер в 1971 году. Третий сын, Александр, был также арестован в 1938 году, после жёсткого давления дал подписку о сотрудничестве со спецслужбами. Арестам подверглись также Шегидевичи – братья зятя имама.

**Сын имама
Сюлейман
Смайкевич с женой
Мерьемой
Яковлевной
Байрашевской**

В 1941 году в Минск вошли немецкие войска, и на 3 года установилась оккупационная власть. В Минск из Вильни переехал муфтий МРО Второй Речи Посполитой Якуб Сюлейманович Шинкевич, который так же, как и Смайкевич, был родом из Ляхович. Благодаря его усилиям и сотрудничеству с немецкой администрацией здание мечети возвращают мусульманам. После ремонта в нём возобновляются богослужения и обучение детей. Сын имама Александр Мустафович Смайкевич становится заместителем муфтия и ответственным за обучение. Во время войны новый состав муфтията осуществлял поездки по другим общинам Беларуси, Литвы и Польши, поддерживая в отдалённых уголках религиозную жизнь.

В 1944 году к Минску стал приближаться фронт. Смайкевичи понимали, что оставаться в Минске при советской власти было небезопасно, поэтому вместе с немецкой администрацией решили уехать на запад. Сразу остановились в Германии, а после мая 1945г. – в американской зоне контроля ФРГ. Яхья Смайкевич вскоре уехал в США. Якуб и Александр – в Англию, а затем, в 1950-ые, к брату в США.

В Америке их домом стал город Вустер (Worcester), второй по численности населения после Бостона город в штате Массачусетс и один из центров польской эмиграции в Америке. Ранее, ещё до войны, в этом городе обосновались татары-эмигранты из Литвы и Беларуси – Макуловичи, Халецкие, Александровичи, Рафаловичи, Шабановичи, Богушевичи. Здесь сыновья, внуки и другие потомки имама жили до самой смерти, полностью оторванные от религиозной деятельности. Похоронены на кладбище НореСemetery вместе с остальными татарами города и окрестностей.

Остальные члены этой большой семьи остались в Минске. На сегодняшний день здесь живут правнуки, праправнуки имама, не имеющие, к сожалению, отношения к религиозной жизни минских мусульман.

Что касается генеалогического древа имама, то его сын Якуб Смайкевич от жены польки Галины Петуховской, на которой женился ещё в Минске, имел детей Александра и Галину, которые сейчас проживают в США. Александр женат на Амине Шабанович, корни которой из Ивья и Делятич, а Галина замужем за мусульманином Мустафой из Аравии. Александр ведёт в Интернете свой политический блог, в котором часто анализирует события мусульманского мира.

Сын Яхья был женат на Розе Полторжицкой, имел детей Омара и Аминю. Его внук Ферди 1956 г.р., сын Амини от турецкого эмигранта Баязита Тайгана, – профессиональный американский теннисист.

Сюлейман, которого расстреляли в 1938 году, был женат на Мерьеме Яковлевне Байрашевской, имел сыновей Якуба и Александра. У Якуба была жена Дагмара и дочь Татьяна в Минске. У Александра жена Валентина, дети Олег и Светлана, также в Минске.

**Братья Якуб, Али и Яхья
Смайкевичи в США**

Ферди Тайган

**Внук имама
Александр
Яковлевич
Смайкевич
(слева) с
хоккеистом из
Минска
Кириллом
Чайкой**

**Сюлейман
Смайкевич
(стоит) с
семьёй
сестры**

**Сюлейман
Смайкевич**

Дочь имама Айша (Елизавета) вышла за Мустафу Александровича Богдановича, имела сына Баязита, похороненного в Ивье. Баязит был родственником имаму Самуилу Александровичу Шабановичу из Ивья. Увлекался охотой, а его жена была администратором магазина «Океан» в Минске. У Баязита 2 сына – Баязит в Минске и Александр в Израиле.

**Родственники
Богдановичи со
стороны мужа
Елизаветы**

Сын имама Хасень жил в Вильне, имел детей Омара и Тамару. Сохранилась метрическая запись о его свадьбе 15 января 1927 года с Софией Мустафовной Асанович из Яшун в мечети на Лукишках в Вильне. После войны жил в Минске, имел вторую жену Галину. Его сын Омар жил в Вильне, имел жену Данголю.

Сын имама Ибрагим имел детей Мустафу, погибшего в немецком концлагере, Эмму и Тамару. О судьбе остальных нет сведений.

Дочь имама Мерьема вышла замуж за военного Бекира Адамовича Смольского, родила сыновей Адама, Александра и Хасеня, погибших во время войны, и Аминю

Богданович.

Сын Александр был женат на дочери имама из Новогрудка Фатиме Бекировне Шегидевич, имел детей Хасеня, Аминю и Елену. Елена вышла замуж за Александра Байрашевского из Слонима. Хасень уехал после войны в Анлию, там женился на англичанке Джин О'Рearдон, имел детей Стэфана, Александра, Адама, Яна и Сандру.

Дочь Фатима имела детей Тамару и Геннадия. Дочь Зинаида умерла в детстве.

**Памятник
Александра и
Фатимы
Смайкевичей**

**Памятник Яхьи и
Розы
Смайкевичей**

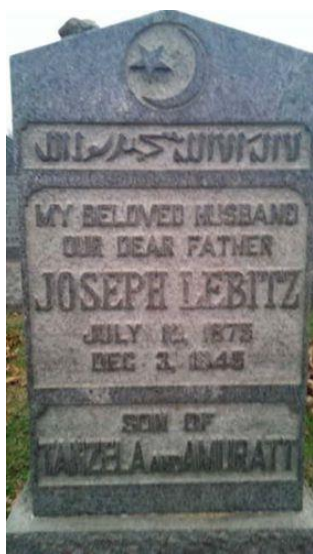
**Памятник Якуба и
Галины
Смайкевичей**

В настоящее время из внуков имама в живых остались только Александр и Галина, дети Якуба. В 2017 году Александр прислал ценнейшие фотографии из коллекции своего дедушки-имама, в том числе единственную обнаруженную на сегодняшний день фотографию интерьеров первой каменной минской соборной мечети.

Сергей Мискевич

Татары в Америке

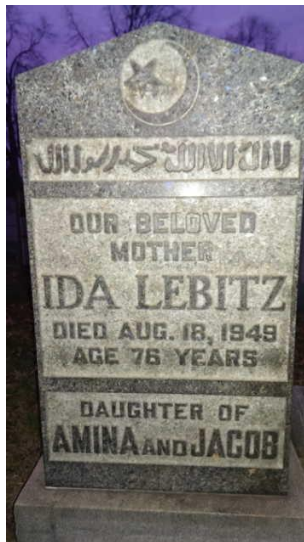
Мы продолжаем серию публикаций о наших единоверцах за границей, начатую в прошлых номерах газеты «Жизнь» и журнала «Байрам».

В статье предыдущего номера «Байрама» о татарах в Африке я писал о семье Рафаловичей из Ивья, из которой Якуб Адамович (1897 – 1972) переехал в США ещё до революции. В Америке он женился на Мерьеме Иосифовне Лебедь (1907 – 1997), корни которой были из Делятич. В этой статье я хотел бы подробнее остановиться на Лебедах.

Отец Мерьемы, Иосиф (1944), сын Амурата и Танзилии, Делятичах. В поисках работы и перебрался в США в начале 20-х из четырёх отцов-основателей религиозного объединения в наряде с Яном Щенсновичем, Сафаревичем и Якубом

Мать Мерьемы звали Айша. 1873 году в семье Якуба и Амини Айши и Иосифа в Делятичах до родились дети – Танзиля, Аминя, Якуб, Ибрагим, Магомет. Затем они оставили детей на попечение родителей и уехали в Америку. Позже к ним присоединились и дети.

Лебедь (1875 – родился в лучшей жизни века. Был одним мусульманского Нью-Йорке, Селимом Сафаревичем.

Она родилась в Радкевичей. У переезда в США Мерьема, Зоня,

Их дочь Танзиля (1901 – 1989), или Диана, вышла замуж за Курмановича Иосифа (сына Адама и Розы), уроженца д. Орда Клецкого района. В 1973 году Диана писала письмо своей троюродной сестре Фатиме Радкевич в Ивье. Дети Дианы – Адам и Аминя. Аминя (фамилия по мужу Франк) в послевоенное время приезжала в Новогрудок в гости к родным. Жена Адама – Мэй Сюлеймановна Якубовская, проживает в Нью-Йорке, имеет детей Давыда, Джанэту, Елену и Анну.

Аминя (1901 – 1928) вышла замуж за Ибрагима Яновича-Чаинского, сменившего фамилию на Янов, уроженца Слонима, имела от него детей Михаила и Якуба. У Михаила одной из жён была Алина

Адамовна Муха, имели дочерей. После войны Михаил Янович-Чаинский вернулся в Белосток, женился на татарке Мерьеме из Новогрудка и вскоре умер. Через него родственники пересылали письма из Америки в Новогрудок.

Мерьема (1907 – 1997) уже упоминалась выше и в прошлых номерах.

Зоня (1910 – 1962) вышла замуж за мусульманина из Средней Азии Нура-Рэймонда Курбана. Их дети Али, Керима и Бебенур. Внучка Диана Перри занимается исследованием родословной своих предков.

Члены Мусульманского религиозного объединения Нью-Йорка

Якуб умер в детстве в Делятичах. Амурат погиб на Первой мировой войне.

Ибрагим был единственным, кто остался в Делятичах, поскольку на их попечении была тёща Халима Радкевич. Он женился на Фатиме Ивановне Радкевич из Новогрудка. Их дети – Халима, Роза, Татьяна, Аминя, Иосиф, Иван и Мерьема.

Сергей Мискевич

Из истории Татарского предместья Минска

Недавно нам удалось найти планы города Минска за 1964 и 1971 годы. Благодаря этому, появилась уникальная возможность узнать, что представлял из себя мусульманский квартал города, или, как называли его местные, Татарская слобода.

Это был район, состоящий из домов, расположенных на улицах: Колхозная (Малая Татарская), Димитрова (Большая Татарская), Фруктовая, Заславская, Опанского, Танковая, Совхозная, Ратомская (Мейльникайте), переулках: Колхозный (Замечетный), Зелёный, Опанского, Петровский, Любомирский, Тарасовский, Лагерный, Канатный, Фруктовый, Кирпичный, Заславский тупик и др.

Как видно из плана, по состоянию на 1964 год к перекрёстку Замечетного переулка и Колхозной улицы уже проведена новая улица – Парковая магистраль (ныне проспект Победителей). По ней построены Дворец спорта, общежитие №4 БГУ, гаражи военного факультета при общежитии, Дом физкультурника. Между Замечетным переулком и Ратомской улицей построено здание детского сада, сохранившееся до наших дней. Между 2-ым Петровским, Любомирским и Тарасовским переулками построено здание сухой бани. Между Фруктовой, Ратомской улицами и Зелёным переулком – здание нынешней 29-ой гимназии. На углу ул. Опанского и Кирпичного пер. – комплекс зданий обувной фабрики «Луч». Уже построены дома по современным адресам Амураторская 2, 4 (здание гостиничного комплекса «У фонтана»), 4б, 5, 7 (здание правления БелГИЗ), Машерова, 51, Тимирязева, 4, Танковая, 2, 24, Кальварийская, 2, Ратомская, 4.

На плане отмечено также здание Соборной мечети, оказавшееся на самом проспекте. На тот момент оно принадлежало морскому клубу. Комплекс зданий войлочной фабрики в границах улиц Фруктовая – Колхозная – Колхозный переулок ещё стоит. Не отображено строительство гостиницы «Юбилейная» на север от мечети.

На более позднем плане города (1974 года) татарская слобода выглядит уже немного иначе. Здесь полностью уничтожена застройка улицы Колхозной, за исключением дома в самом начале улицы возле моста. Мечеть снесена, построена гостиница «Юбилейная» с пристройками и здание с современным адресом пр. Победителей 19б. Парковая магистраль продлена, при этом прокопано новое русло Свислочи. Возле Дворца спорта сооружён стадион «Трудовые резервы». Между улицей Флакса, Фруктовой и Крымской построена АТС с адресом Мельникайте 7, жилое здание по адресу Заславская 33. Оформлена Юбилейная площадь, кольцо на пересечении Опанского и Тимирязева. Начинается строительство комплекса зданий гостиницы «Планета».

В парке Победы сохраняется усадебная застройка, называемая Басияловкой. Мизар имеет соответствующее обозначение, но отсутствует общинное здание на его территории. В целом, к этому

времени мусульманский квартал города, окружённый послевоенной застройкой, уже не является ни окраиной, ни предместьем.

К сожалению, отсутствие более поздних планов не позволяет проследить хронологию сноса данного района. Известно лишь, что к середине 1980-ых годов не осталось ни одного усадебного дома, за исключением нескольких в конце Танковой улицы и Славного переулочка, сохранившихся по сей день за ТЦ «Корона».

P.S. Выражаем благодарность за помощь в написании статьи Джемалю Гембицкому, Галине Жданович и др.

*Александр Нестер***Тайны урочища Каролин**

Тяжело порою представить, куда может завести неуёмная тяга к изучению чего-то нового и интересного. Мне много приходилось бывать в разных местах, где писалась история нашей страны или они были ее незаметной составляющей, без которой эта увлекательная наука оказалась бы совсем не такой, как мы привыкли ее видеть. Любой белорусский поселок или город оставляет свойственные только именно ему неповторимые чувства и эмоции. Каждому из них присущи своя атмосфера, темп жизни, иначе можно посмотреть на окружающие тебя вещи. Путник всегда найдет здесь то, что ему по вкусу.

Меня в большинстве своем привлекают старые дворцово-парковые ансамбли, где не исчез дух времени, и куда лишь изредка наведываются случайные посетители. От людских глаз их скрывает густая листва деревьев старых парков, некогда ухоженных заботливой рукой своего хозяина, а теперь брошенных и забытых. Старый усадебный дом, такой же забытый миром, как и парк, с какой-то свойственной ему тоской встречает очередного своего случайного гостя. Его стены местами поросли мхом, где-то обвалилась штукатурка, прогнили окна, двери, скрипят полы, но он кажется живым, очень старым-старым, доживающим свой век, многое повидавшим и готовым рассказать все самое сокровенное. Колонны и своды выдают былое величие, возвращая во времена его молодости, когда здесь кипела жизнь. Можно только представить, какие здесь давали приемы, и, кажется, что из глубины столетий доносится музыка тех балов. Дамы в шикарных платьях, мужчины в костюмах, корнеты, гусары, князья и княгини, графы и графини. Здесь пели песни, танцевали вальсы, играли в игры, на парковых аллеях совершали первые робкие признания в любви, одаривая свою избранницу комплиментами. Жизнь была ключом. Теперь для него все в прошлом. Лишь только ветер гуляет по некогда шумным и многолюдным залам старого дома.

Существуют и такие загадочные для меня места, где одолевает чувство, будто время остановилось навсегда, зависло на каком-то

трудноуловимом своем промежутке. Я не знал, что такое бывает до тех пор, пока не посетил урочище Каролин, которое находится недалеко от поселка Долгиново, у деревни Камено. О нем я узнал совсем недавно, сидя долгими зимними вечерами за топографическими картами и книгами по истории или краеведению. Каролин обратил на себя мое внимание своей необычной составляющей – древними курганами и татарским мизаром, тем самым вызвав огромное желание посетить это место, более детально изучить его историю. Не подозревая, с чем необычным придется там столкнуться, связавшись и поговорив со своим товарищем Сергеем, я начал готовиться к поездке. Каролин оставил о себе самые лучшие впечатления, это было своего рода путешествие в прошлое, очень дальнее и совсем близкое одновременно. Совсем не обязательно для этого создавать машину времени, достаточно просто посмотреть вокруг. Именно об этом далее и пойдет речь.

Каролинский мизар. Март 2017 г.

Середина марта. Погода в тот день выдалась не очень хорошая, свойственная этому времени года: с самого утра шел мокрый снег, иногда прекращаясь, а потом, вновь падая на мокрый асфальт. Зима не

хотела уступать свое место весне, каждый год заставляя наблюдать нас борьбу между сезонами. Было достаточно прохладно. Изредка сквозь нависшие над железнодорожной станцией густые тучи, пробивались лучи солнца, давая надежду на то, что погода станет хоть немного лучше. Я ожидал прибытия электрички, на которой должен был приехать Сергей. Мы вместе договорились посетить урочище Каролин. Снежинки падали на стекло моего автомобиля, стекая по нему маленькими ручейками, изредка дул порывистый ветер. Недалеко от станции, находившейся на окраине города, в заболоченном пруду, дикие утки укрылись в камышах от ветра. Они уже давно не улетают на юг, подальше от зимы, которая за последние годы стала достаточно теплой. Местные жители их здесь немного подкармливают. Глядя на все происходящее на улице, я начал было сомневаться, ехать или нет, может нужно дождаться лучшей погоды. Однако непомерное желание посетить урочище развеивало в прах всю неуверенность.

Тем временем из-за поворота железнодорожных путей показалась электричка. Я поспешил на платформу, чтобы как можно скорее встретить Сергея и через несколько минут мы уже сидели в теплой машине. Еще раз, моментально перебрав в памяти, не все ли мы забыли, тронулись в путь. Проехать до места назначения нам предстояло около семидесяти километров.

Итог «работы» вандалов. Каролинский мизар, март 2017 г.

Городские улицы сменились загородными пейзажами, дороги, как будто затерялись в бескрайнем море густых лесов, иногда выводили нас к открывшимся от снега полям, бурлящим весенним рекам, небольшим ручьям, крупным и совсем маленьким деревням. В пути мы обсуждали разные вопросы, но приоритет оставался за Каролинским мизаром. Как выяснилось, мы о нем ничего не знаем совершенно, если не считать редких его упоминаний в разговорах отцов или дедушек. От этого становилось еще интереснее и увлекательнее, мне казалось, что прикасаюсь к чему-то неизвестному, которое предстоит выяснить. За разговором время в пути прошло незаметно и вот мы уже заезжаем на едва заметную асфальтированную стоянку перед самым урочищем.

Справа от нас тихо несла свои воды древняя река Виляя. В этом месте она причудливо извивается разными затоками, здесь нашли для себя уютный дом дикие птицы, левее – молодой сосновый лес, это и есть тот самый Каролин. Лишь изредка проезжающие автомобили нарушают вековой покой урочища. Пройдя несколько метров по грунтовой дороге, мы зашли на мизар.

Перед глазами предстала довольно странная картина: древние курганы, на вершинах которых или между ними находились татарские захоронения, территория была огорожена рвом по периметру. Состояние мизара в целом оставляет желать лучшего. Наше внимание привлекли памятники, лежащие на земле, причем явно было заметно, что упали они не от времени. Их сбросили специально и, по всей видимости, это были вандалы. Осмотревшись вокруг, мы заметили табличку, на которой указывалось, что это место является историко-культурной ценностью, а курганы датируют IX – XI веками. Подумать только, это ведь время прихода Рюрика в Новгород, Крещение и само существование Киевской Руси. Одни курганы были достаточно высокими, другие совсем маленькими, из чего я сделал вывод, что чем моложе курган, тем он выше. Эпоха язычества и раннего христианства на землях восточных славян полна различных тайн и загадок для современных историков. Довольно часто можно в лесах, на полях, у берегов рек, озер встретить камни с углублениями, и лишь опытный взгляд исследователя может определить, что они являются частью ритуала язычников.

Пройдясь и сделав несколько фото древних захоронений, мы принялись изучать надписи татарских надгробий, они необходимы для составления генеалогии. Поросшие мхом, покосившиеся от времени, тяжелые камни-памятники выдавали нам имена людей, давно покинувших этот мир, из глубины лет возникали их образы. Для нас они уже являются прабабушками и прадедушками. Основная часть, довольно значительная, это захоронения первой половины XX века. На некоторых памятниках указано местечко, где жил умерший: Докшицы, Глубокое, Зембин, Плещеницы, Будслав, Долгиново, Кривичи и другие города и деревни. Встречаются и послевоенные захоронения, которых не так уж и много.

Курган IX-XI века. Урочище Каролин. Март 2017 г.

Раз за разом, проходя от памятника к памятнику, мы словно погружались в прошлое и все яснее были видны присутствия здесь вандалов: некоторые курганы были раскопаны, у других имелись шурфы. Так же это коснулось и татарских могил, одна из которых была наполовину раскопана, у других повалены памятники. Позже, по приезду домой, я прочитал в статьях из интернета, что вандалы здесь «работали» в 2011 году. Наконец, после двух часов исследования, мы добрались до первых рядов захоронений мизара. Конечно, надписи на этих памятниках были трудноразличимы, но на одном мы смогли разглядеть 1826 год. Приблизительно в это же время возник мизар возле деревни Гирины, недалеко от Мяделя, города, который после строительства мечети во второй половине XIX века стал духовным центром белорусских татар на севере страны. Позднее его сменил город Докшицы, когда мядельская мечеть была разрушена. Меня очень интересовал вопрос возникновения Каролинского мизара. Конечно, информации об этом месте практически нет, но все же удалось выяснить одну очень, на мой взгляд, интересную историю его появления.

**Каролинский мизар. Татарские захоронения и курганы.
Март 2017 г.**

В 1857 году из района деревни Камено, которая находится недалеко от урочища, о чем я уже упоминал, была организована графом К. Тышкевичем краеведческая экспедиция по реке Вилии, одним из результатов которой стала книга «Вилия и её берега», написанная графом Константином Тышкевичем и увидевшая мир спустя три года после его смерти. Целью экспедиции было обозначение населенных пунктов, находящихся у реки, изучение ландшафта, речных глубин, запись народных легенд, песен, сказок. За год до ее начала К. Тышкевич начинает постройку речных судов, на которых он и его спутники собирались пройти по реке. Строили их в Логойске, где было поместье Тышкевичей и к месту начала экспедиции тянули волоком. Головное судно имело название «Мария», на нем же был изображен герб рода Тышкевичей. Вместе с ним в путь отправлялись «Выгода», «Адъютант» и еще два вспомогательных судна, не имевших названия. Однако перед отправкой выявились просчёты в строительстве флотилии. «Мария» села на мель, и вместе с ней не выдержала первого испытания «Выгода». Пан Снежко, владелец одного из местных имений, предоставил два своих судна

взамен пострадавших. Вот как описывает граф этот момент в своей книге «Вилия и её берега»:

«С моей флотилией все произошло не так, как я планировал. Главное мое судно строилось с острым дном, было предназначено для глубокой воды, хоть меня и предупредили, что по мелководной Вилии на нем я не смогу плыть. Третье судно, предназначенное под кухню и для прислуги, при его перевозке к берегу на колесах было повреждено настолько, что при спуске на воду сразу стало ясно, что оно этого путешествия не выдержит. Живущий близ деревни Камень уважаемый пан Снежко, который понимал смысл моей работы, с самого начала интересовавшийся моей экспедицией, – в этот трудный момент протянул мне свою руку помощи, жертвуя на место поврежденного судна свою лайбу. С большой благодарностью я принял оказанную мне помощь. А когда оказалось, что судно, отданное господином Снежко, могло поместить не только кухню и наше снаряжение, но и всю нашу кладовую, и на нем оставалось еще много свободного места, то сразу три моих судна я заменил на данную лайбу, что намного сократило количество людей, необходимых для управления суднами. Я старался побыстрее приготовить лайбу к ее новой роли, так как мне очень хотелось двигаться дальше».

5 июня 1857 года экспедиция двинулась в путь. Стоит так же отметить, что были созданы две команды: первая шла на судах по реке, а вторая – по берегу, проводя археологические раскопки, собирая легенды, песни, сказки и прочее историко – культурное наследие. Весь собираемый материал на протяжении четырех месяцев, был сдан в библиотеку Виленского научного сообщества.

В книге К. Тышкевича упоминается урочище Каролин и легенда, повествующая нам о появлении мизара:

«Напротив устья Двиносы, на правом берегу Вилии, расположена деревня Стахи. Идя от нее правым берегом реки, проходя различные повороты, которыми река здесь извивается среди цветущих лугов, приходим на татарский могильник. Недалеко от берега на небольшой возвышенности видим собрание курганов, имеющих все черты дохристианских могил. Мне очень хотелось заняться здесь

археологическими раскопками, но все же раскапывать их я не осмелился, так как они находятся в большом религиозном почитании у местных татар, поселившихся в этих окрестностях. До сих пор все местные татары хоронятся в этом очаровательном уголке нашей земли. Существует предание, что здесь был похоронен какой-то татарский хан, взятый в плен литовским князем Витовтом. Местные жители рассказывали мне, что татары имеют привилей на это место, данный якобы некоторым из литовских князей. Долгиновские татары, вызванные мной, не могли мне ничего по этому вопросу пояснить, отсылая меня к своему мулле, живущему в Кривичах. Не удовлетворенный их ответом, послал я свои вопросы их мулле, на что мне татарский священник ответил, что никаких особых привилеев на это место татары не имеют. Таким объяснением татарского мурлы мне пришлось удовлетвориться».

На протяжении более ста лет Каролинский мизар занимал значительное место в жизни белорусских татар севера страны. Постепенно, ввиду различного рода процессов, происходящих на территории Беларуси, он стал утрачивать свое значение. Трагические события Первой мировой, советско-польской войн, Февральской и Октябрьской революций, Великой Отечественной войны заставляли одних уходить из родных мест, а других затягивали в свой кровавый водоворот. Еще во второй половине прошлого века там проходили съезды, но уже сегодня мизар заброшен. Последнее захоронение было сделано в 1980 году.

Посередине урочища стоит вековой дуб. Он, курганы и мизар словно застыли во времени, каждый в своем, но в целом создавая чарующую атмосферу. Мне кажется, что Каролин так и не открыл своей главной тайны, очертания которой видны очень расплывчато. Может и не стоит этого делать, ведь точку в истории поставило само время, в котором что-то должно жить, а что-то должно забыться, дав место новому.

Использованные материалы:

1. Сайт «Логойск. Виртуальный музей» <http://museum.logoysk.info>

2. К. Тышкевич «Вилия и её берега». Дрезден. 1871 год (с современным частичным переводом)
3. Фото автора.

Сяргей Міскевіч

Татары Гарадзішча

Гарадзішча – невялікае мястэчка ў Баранавіцкім раёне, цэнтр аднайменнага сельсавета. Перад апошняй вайной тут жыло даволі шмат татараў – як у самім мястэчку, так і паблізу – у вёсцы Брыксічы.

У часопісе “Байрам” за 1999 год быў надрукаваны артыкул Яна Якубоўскага, які нарадзіўся ў Гарадзішчы, але пасля вайны мусіў перасяліцца ў Польшчу. У ім аўтар дае звесткі пра татарскія сем’і ў Гарадзішчы ў міжваенны перыяд і лёс некаторых з іх пасля 1939 года. У гэтым артыкуле я хацеў бы выправіць некаторыя ягонныя памылкі і крыху шырэй распавесці пра лёс былых жыхароў мястэчка. За дапамогу ў напісанні артыкула хацеў бы выказаць падзяку такім неабыякавым людзям, як Галіна Шчанснoвіч, Мяр’ема Якубоўская, Тамара Гямбіцкая, Джаміля Сабалеўская, Якуб Міскевіч, Сафія Рызвановіч, Рамуальд Багдановіч, Джанэта Байрашэўская і шмат каму іншым.

Зараз аб татарскай гісторыі Гарадзішча нагадвае толькі стары мізар, які знаходзіцца на высокім пагорку паміж самім мястэчкам і Брыксічамі. А таксама 2 дамы, што належаць татарам, нашчадкам колішніх местачкоўцаў. Мячэці ў Гарадзішчы не было, таму мясцовыя татары-мусульмане былі прыпісаныя да Наваградка. Але быў свой мязім – спачатку Мустафа Гямбіцкі, а затым Мустафа Шэгідэвіч. Мустафа Шэгідэвіч заняў сваю пасаду пасля таго, як Гарадзішча наведаў муфтэй Якуб Шынкевіч. Быў жанаты з мясцовай татаркай Мяр’емай, дачкой Розухны і Мустафы Багдановічаў. Пасля вайны сям’я пераехала ў Польшчу, у горад Эльблонг. Там Мустафа Шэгідэвіч выконваў абавязкі імама, а таксама пэўны час быў старшынёю парафіі ў Гожаве Вялікапольскім. Пахаваны Мустафа і Мяр’ема на мізары ў Крушынях.

Адной з самых вялікіх у Гарадзішчы была сям'я Александровічаў з былой Татарскай (зараз Пралетарскай) вуліцы. Галава сям'і Ібрагім Якубавіч Александровіч нарадзіўся яшчэ ў сярэдзіне 19 ст., а памёр у 1941г. Ягоная жонка, Халіма 1869 – 1934гг., паходзіла з мястэчка Мір і была дачкою мірскага імама Якуба Шункевіча і Айшы з дому Смольскіх.

У Ібрагіма і Халімы нарадзіліся дзеці Сюляйман, Якуб, Аніфа, Танзіля, Айша і Зоня. Сюляйман, 1910 – 1985гг., вучыўся ў Віленскім універсітэце, сваёй сям'і не меў і пахаваны ў Гарадзішчы. Якуб, 1906 – 1980гг., ажаніўся з Амінай Мустафаўнай з яшчэ аднаго буйнога роду татараў Гарадзішча – Якубоўскіх. Іхныя дзеці – Мяр'ема і Ібрагім. Аніфа, 1902 – 1954гг., выйшла замуж у Мір за Бякіра Сюляйманавіча Шункевіча, іхныя дзеці – Асэя, Ібрагім, Сюляйман, Ліма. Танзіля, 1899 г.н., выйшла замуж за Рамазана Александровіча са Слоніма, які да вайны займаў высокія пасады ў Міністэрстве адукацыі Крыма. У 30-я гады, як і тысячы іншых прадстаўнікоў інтэлігенцыі, Рамазан быў расстраляны, а ў 1938г. арыштавалі і Танзілю, выслалі ва Ўзбекістан з дочкамі Інэль і Кіці. Такі ж лёс напаткаў і сястру Танзілі – Зоню. Ейны муж Байрашэўскі Ях'я Ібрагімавіч, 1895 г.н., уваходзіў у склад Крымскага ўрада, арыштаваны і расстраляны ў 1938г. Зоня з дзецьмі Арсланам і Заірай вывезены на Ўсход.

Помнік Мустафы Мухі на мізары ў Гарадзішчы. 1862 год.

Яшчэ адна сям'я Александровічаў Гарадзішча – Сюляймана, былога паштовага ўрадніка з Мінска і Мяр'емы. Іхныя дзеці – Якуб, Адам, Фаціма, Аміна, Альжа. Якуб, 1872 – 1953гг, больш за 50 гадоў службыў на пошце – у Юрбургу, Мінску, Уздзе. Ягоная першая жонка – Фаціма Мустафаўна Міскевіч з Ляхавічаў, якая памерла і пахавана ў Уздзе. Іхныя дзеці – Мяр'ема, якая выйшла за Здановіча ў Мінск, і Фаціма, жонка Асмана Мурзіча ў Ляхавічах. Другі раз Якуб ажаніўся з Мяр'емай Аляксандраўнай з Узды, у якой ад першага мужа Якубоўскага ўжо былі дзеці Самуіл (працаваў тэлеграфістам, памёр малады і пахаваны ў Уздзе) і Асман. Пасля вайны Якуб з Мяр'емай, Асманам, жонкай Асмана Галінай Хасеняўнай з уздзенскіх Канапацкіх перасяліліся ў Гарадзішча, дзе і Якуб памёр і пахаваны. Мяр'ема, Асман і Галіна пахаваны ў Ляхавічах, бо пасля смерці Якуба жылі ў Баранавічах. Адам Сюляймавіч Александровіч меў жонку з Літвы, пахаваны ў Гарадзішчы без помнікаў, а сын Хасень пасля вайны выехаў у Польшчу. Фаціма мела мужа з Крыма – Гафара Вааб, але была бяздзетная. Іхныя магілы таксама без помнікаў, але адзначаны шылдамі. Альжа выйшла за Якуба Сафарэвіча, мела 2

дачок, якія памерлі ў дзяцінстве, і сына Шабана. Шабан першы раз быў жанаты з Зінай Магаметаўнай Хасяневіч з Узды, іхняя дачка Галіна зараз жыве ў Уздзе. Другі раз – з Джаміляй Мустафаўнай Александровіч са Скідлі, дзеці Эльміра і Стэфан. Шабан пахаваны ў Скідлі на мізары.

Аміна, 1883 – 1956гг., мела мужа Давыда Мустафавіча Міскевіча з Ляхавічаў, брата жонкі свайго брата. Пахавана ў Гарадзішчы, а ейны муж знік без звестак у Маскве. Іхныя дзеці – Мустафа, Сюляйман, Хасень, Хусэйн, Адам, Мяр’ема і Зоня. Мустафа і Хусэйн служылі ў Маскве, арыштаваныя ў 1938г. і далейшы лёс невядомы. Адам памёр у дзяцінстве. Мяр’ема і Зоня выйшлі замуж за Шэгідэвічаў у Слонім. Хасень меў жонку Айшу Мухля і дзяцей Януша, Адама, Сюляймана, Давыда, Аляксандра, Шакіра, Гафара, Якуба, Стэфана, Эльміру, Хоту. З іх Хота, Сюляйман і Шакір памерлі ў дзяцінстве, пахаваны ў Гарадзішчы. Пасля вайны ўся сям’я выехала ў Польшчу. Сюляйман Давыдавіч Міскевіч меў жонку Аміню Адамаўну Шэгідэвіч з Міра і дзяцей Хусэйна, Айшу, Мустафу, Давыда, Адама, Аляксандра.

Сяргей Міскевіч

Гісторыя татараў у Плешавічах

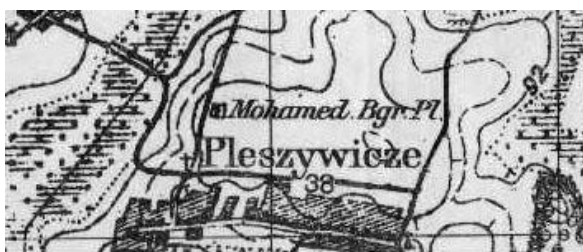
Плешавічы – маленькая вёска ў Нясвіжскім раёне, што ляжыць на шляху да Капыля. На першы погляд – непрыкметная, толькі адна вуліца, могілкі, каплічка, – тыповая для Беларусі вёска. На сённяшні дзень у Плешавічах нічога ўжо не нагадвае пра тое, што тут была даўняя татарская асада, са сваім імамам, мячэцю і мізарам. Вернемся на 4 стагоддзі назад і зазірнем у гісторыю вёскі.

На той час вялікі абшар зямлі ў межах сучаснага Нясвіжскага, Капыльскага, Клецкага, Карэліцкага раёнаў належаў князям Радзівілам, і на гэтай тэрыторыі татары пражывалі ўжо цягам некалькіх пакаленняў – у Асмолаве, Клецку, Міры, Ардзе, Клецку. Дакладна невядома, калі татары трапілі ў Плешавічы, але адзін архіўны дакумент можа даць прыблізную дату заснавання асады.

Гэта прывілей 1632 года, выдадзены ўладальнікам маёнтка Нясвіж Альбрэхтам Уладыславам Радзівілам на татараў-жаўнераў у вёсках Плешавічы і Качанавічы. У ім згадваюцца татары-гаспадары

па прозвішчах Скіндэр, Курмашэвіч, Старынскі, Ахметавіч, Ардынец, Багушэвіч, Багдановіч, Струс, Абрамовіч, Сягневіч, Гасановіч, Юзэфовіч, Банюша, Пальчык, Гальяшэвіч, Пунацэвіч. Як бачым, некаторыя прозвішчы да нашых дзён ужо не дайшлі, але на той час яны маглі быць патронімамі.

Паводле прывілею, татары атрымалі 72 валокі ворыва і па 3 валокі пашы на каня, а таксама ў ім быў згаданы вакуфны надзел зямлі ў 1 валокі для імама. З Язвінскай пушчы атрымалі дрэва на пабудову, а балота Бурнакоўшчына маглі браць пад сенакос. Дарэчы, валока – старажытная мера плошчы зямельных надзелаў, роўная 21,36 га. На першы погляд, атрымалі шмат, але за гэта мусілі служыць у войску і на загад князя ісці на вайну са сваім уласным рыштункам і зброяй.

Плешавічы на мапах першай паловы XX ст.

З цягам часу татарскае жыццё ў Плешавічах стала згасаць. Так, пасля падзелаў Рэчы Паспалітай мячэць у Плешавічах ужо не згадвалася. Не захавалася ні метрычных запісаў, ні звестак у літаратуры. Магчыма, гэта наступствы шматлікіх войнаў, што пранесліся па нашай зямлі, а магчыма, палітычных падзей. Так, мізар на поўнач ад вёскі, пазначаны на мапах яшчэ ў 1930-ыя гады, быў заараны ў пасляваенны час.

Што да сучаснага стану, то ў ваколіцах Нясвіжа татары жывуць у Клецку, а таксама вельмі мала засталася ў Ардзе і Іванаве. Захаваліся два мізары – ў Асмолаве і Ардзе.

Варта было б сказаць колькі словаў пра ўладальніка зямлі – Альбрэхта Радзівіла. Нарадзіўся ў 1589 годзе, вучыўся ў Нясвіжы, Браневе, Аўгсбургу, падарожнічаў па Італіі, удзельнічаў у войнах са Швецыяй, выправе на Маскву. Пасол на Соймы, стараста ў Рызе, кашталян у Трокахі Вільні. Удзельнічаў у выбарах караля Ёладзіслава IV. Быў адным з найбагацейшых магнатаў ВКЛ, мецэнатам. Памёр у 1636 годзе.

Р.С. Вялікі дзякуй Рамісу Гараеву з Беліцы за архіўны дакумент.

Сяргей Міскевіч

Беліца

Беліца – вёска ў Лідскім раёне на мяжы з Наваградскім, побач з рэчкай Нёман. Адна са шматлікіх вёсак Беларусі, дзе здаўна жылі ў згодзе прадстаўнікі розных веравызнанняў: тут захаваліся праваслаўныя, каталіцкія, габрэўскія могілкі і татарскі мізар.

Дакладна невядома, калі ў Беліцы з’явіліся першыя татары, але захаваліся дакументы, якія сведчаць, што ў XIX ст. тут жылі прадстаўнікі родаў Гямбіцкі, Адамовіч, Асановіч, Якубоўскі, Радлінскі, Ільясевіч і інш. Яны мелі цесныя сувязі са сваімі братамі ў навакольных мястэчках – Іўі, Некрашунцах, Сорак татар і г.д. На 2-ую палову XX ст. засталіся толькі Гямбіцкія і Якубоўскія, што жывуць тут і сёння.

Мізар беліцкіх татараў знаходзіцца на паўднёвым ускрайку вёскі, з двух бакоў аточаны гаспадарчымі пабудовамі. Меў плот, але разваліўся ад старасці і чалавечай хцівасці. Пахаванняў на мізары каля 100, большасць без надпісаў.

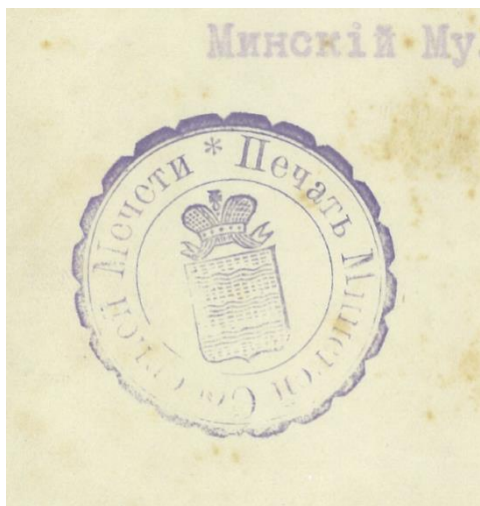

Помнік Самуіла Адамовіча

Овезов М.

Печать Минской Соборной мечети

Работник Минской Соборной мечети Овезов Максат посетил по рабочим вопросам известного белорусского архитектора – Смольского Александра Бекировича. В ходе визита планировалось обсудить планировку проектирования татарского сквера для его благоустройства и установки памятного знака татарам и мусульманам, захороненным на этом кладбище. После обсуждения

рабочих вопросов уважаемый Александр Бекирович показал старинные фотографии и документы из своего шляхетского рода Смольских с их богатой историей. В ходе просмотра старинных бумаг удалось обнаружить различные документы, написанные в старой Минской Соборной мечети. Удивление вызывало то, что они были подписаны знаменитым имамом, который построил мечеть – Мустафой Смайкевичем. Документы были

различных годов, все они носили характер метрических выписок из книги Минской Соборной мечети. На документе от 1898 года отчетливо под подписью М. Смайкевича была видна знакомая печать Минской мечети с двуглавым орлом, которая широко представлена в интернете. Однако в процессе дальнейшего просмотра документов внимание привлек документ от 1905 года, также подписанный М. Смайкевичем, но на котором стояла уже другая печать, по кругу был текст: «ПЕЧАТЬ МИНСКОЙ СОБОРНОЙ МЕЧЕТИ», но которая была уже совсем другой – без орла. Как позже выяснилось, это был герб минской губернии, утвержденный в 1878 году. В связи с тем, что была обнаружена печать, о которой не было известно, возник вопрос, что стало причиной смены старой печати на новую. Печать с двуглавым орлом была на документе от 1898 года, в то время как новая печать стояла на документе 1905 года, известно, что в 1902 году состоялось торжественное открытие новой каменной Минской Соборной мечети. И именно этот факт открытия новой каменной соборной мечети привел к тому, что печать поменялась, это косвенно подтверждается текстом на печатях, где на старой был текст – «МИНСКОЙ МЕЧЕТИ ПЕЧАТЬ», а на новой появилось новое слово – «Соборной», что могло случиться, только после открытия каменной

мечети и придания ей статуса «Соборной». Таким образом, благодаря любезной поддержке интереса истории мусульман Минска, оказанной уважаемым Александром Бекировичем, стала известна оригинальная печать каменной Минской Соборной мечети.

Радкевіч Давыд

ПЕРАКЛАД ТРАКТАТУ

“УЛЮБЁНЫ СЭРЦАЎ” АЛІШЭРА НАВАІ

Прадмова перакладчыка

Нізам ад-дзін Мір Алішэр Наваі (1441 – 1501 гг.) – вялікі паэт і мысліцель, які пісаў пад псеўданімамі Наваі і Фані, нарадзіўся ў Гераце ў лютым 1441 года па грыгарыянскім календары ў сям’і буйнога чыноўніка адной з сярэднеазіяцкіх дзяржаў, якія ўзніклі пасля распаду імперыі Цімура. Яшчэ ў юнацкім узросце ён стаў вядомы як паэт, складаў вершы на цюркскай і персідскай мовах. Калі яго школьны сябар, прынц Хусейн Байкара ўзышоў на пасад, ён не забыў і Алішэра. Атрымаўшы тытул эміра, паэт займаў вышэйшыя пасады ў яго дзяржаве, аказваючы пастаянную дапамогу літаратарам, дзеячам мастацтва.

Як змагар супраць карупцыі і прыхільнік справядлівасці Алішэр зарабіў нянавіць чыноўнікаў і прыдворных, якія дамагліся яго высылкі ў Астрабад ў якасці кіраўніка гэтай беднай і аддаленай правінцыі на ўсходнім беразе Каспійскага мора, а там нават спрабавалі арганізаваць на яго замах. Прабыўшы ў Астрабадзе каля года, Алішэр пакінуў дзяржаўную службу і, вярнуўшыся ў 1488 г. у Герат, прысвяціў сябе выключна творчасці. Памёр Алішэр ў Гераце ў студзені 1501 г.

Вялікі ўплыў на погляды і творчасць Алішэра аказала яго шматгадовае сяброўства з жыхаром Герата вялікім персідскім суфійскім паэтам і філосафам Абдурахманам Джамі. Джамі захапіўся суфізмам у юнацтве, калі ён быў вучнем шэйха Ахрара – кіраўніка суфійскага ордэну (*тарыката*) Накшбандзія. Калі ж Джамі стаў шэйхам, ён далучыў да суфійскай навукі і свайго вучня Алішэра.

Псеўданімам Наваі (“меладычны”) Алішэр падпісваў свае вершы, напісаныя на цюркскай мове. У персідскіх жа вершах ён называў сябе Фані (“згаслы”) – слова, якое азначае вышэйшую ступень суфійскага самаўдасканалення.

Суфійскія матывы і рысы суфійскага светаўспрымання адбіліся ў многіх яго творах, якія знешне насілі цалкам свецкі характар, і

толькі ў сталыя гады, незадоўга да сваёй смерці Алішэр палічыў сябе вартым паслядоўна выкласці свае суфійскія погляды, як вучань Джамі і вялікага бухарскага шэйха Баха ад-Дзіна Накшбандзі, чыё імя было прысвоена аднаму з найстарэйшых суфійскіх брацтваў (*тарыкатаў*) у Харасане і Маваранахры.

У ліку сваіх папярэднікаў, звязаных з ім ланцугом духоўнай пераемнасці, Алішэр, нароўні з Джамі і Накшбандзі, называе Аттара і Румі.

Суфійскі светапогляд Алішэра выкладзены ім у паэме “Мова птушак”. Нягледзячы на тое, што гэтая паэма напісана на цюркскай мове, Алішэр выступіў пад псеўданімам Фані¹, патлумачыўшы ў тэксце паэмы свой выбар яе суфійскім характарам.

Другім познім суфійскім творам Алішэра з’яўляецца ўнікальны тэкст пад назвай “Улюбёны сэрцаў”, дзе рыфмаваная проза чаргуецца з вершаванымі ўстаўкамі. Менавіта з гэтых твораў ўзятыя прыпавесці, развагі, думкі і афарызмы, якія было вырашана апублікаваць у некалькіх нумарах “Байраму”.

Варта адзначыць, што з-за неадпаведнасці суфійскай сутнасці твораў Алішэра тому штучнаму абліччу, якое было яму навязана ідэолагамі нядаўняга часу, нягледзячы на высокі статус класіка і заснавальніка ўзбекскай літаратуры, некаторыя суфійскія творы Алішэра былі выдадзены толькі ў апошняй траціне XX ст., а вялізарная частка яго творчай спадчыны не апублікавана дагэтуль або прадстаўлена толькі фрагментарна.

Творы Алішэра Наваі былі ўключаны ў навучальныя праграмы ўсіх школ і медрэсэ Сярэдняй Азіі ў XVI – пач. XX ст. У гонар Наваі ва Узбекістане названы горад і вобласць, бібліятэкі, тэатры, музеі, праспекты і вуліцы, а таксама станцыя метро ў Ташкенце. Помнікі ў яго гонар усталяваны ў Ашгабадзе, Баку, Маскве, Токіа, Шанхаі.

Памяць пра паэта і дзяржаўнага дзеяча XV ст. захоўваецца і ў нашай краіне: летам 2019 г. у Мінску быў адкрыты бюст Алішэра Наваі, створаны па праекце маладога скульптара Максіма Макарэвіча.

Прапануем чытачам “Байраму” атрымаць асалоду ад чароўных радкоў трактату “Улюбёны сэрцаў” сьліннага паэта.

¹Фанá (араб. فَنَاء) – “знікненне, згасанне; небыццё; тлен”, своеасаблівы стан у суфізме, усведамленне сувязі з Богам. Містык адчувае стан небыцця ў сегасветнай рэчасінасці і разам з тым глыбока ўсведамляе Боскую прысутнасць.

РАЗВАГІ, ПРЫПАВЕСЦІ І АПОВЕСЦІ З ПАЭМЫ “УЛЮБЁНЫ СЭРЦАЎ”

Аб прававерным цары

Калі ў цара справядлівасці багата і розуму многа, то ён для Божых рабоў нібы цень Бога. Ён сапраўдны валадар панства свайго, верш Кур’ана: “Папраўдзе, Я настаўлю намесніка на зямлі” – пра яго. Веліч справядлівага цара апісаць немагчыма. Выслоўе “Я нарадзіўся ў эпоху справядлівага цара”² з’явілася з гэтай прычыны. Той, якім Пан абодвух сусветаў ганарыцца, казаў: “Гадзіна справядлівасці лети за поклоненне людзей і джынаў”, – і з гэтым нельга не згадзіцца.

Справядлівы цар – гэта ласка Пана Бога для народа, ён ахоўвае і добраўпарадкоўвае ўсе дамы і гасподы. Нібыта сонца і вясновыя хмары, ён кветкі зямлі выводзіць, золатам і жэмчугам сваіх падданных ён абсыпае, каб іх улагодзіць. Дзякуючы яго добразычлівасці і міласэрнасці, нябогі і бездапаможныя не прыгнечаны, а прыгнятальнікі мячом яго пакарання пасечаны. Дзякуючы яго ахове, ягняты пры ваўках не баяцца быць, а раз на дарогах няма разбойнікаў, падарожныя па іх не баяцца хадзіць. Дзякуючы яго апецы пануе радасць у школах, дзякуючы яго абароне ў жаночых лазнях чуваць галасы жанчын і дзяўчат вясёлых. Рабаўнікоў напужаўшы, ён знішчыў іх гвалт, а справы народа прывёў на лад. Прыхільнікі цяганіны ад страху схаваліся па кутах, а прыгнятальнікі атрымалі па руках.

Ад яго стараннасці перапаўняюцца мячэці, ажыўленыя гутаркі вядуцца ў любым універсітэце. Шануючы маёмасць народа, ён мячом адплаты злодзеям кароціць рукі, у пустыню нябыту кідае ён рабаўнікоў, асуджаючы іх на мукі.

Ён загадвае асвятляць крамы для вячэрняга гандлю ліхтарамі, не разгульваюць пры ім галаварэзы па вуліцах начамі. Ханакі³ дэрвішаў адкрыты з ночы да світанку, у хацінах аскетаў міру прыстанкі. На вуліцах горада ён ахоўвае спакой, як пастух, ён абыходзіць прастор начной парой.

² Дадзенае выказванне не з’яўляецца хадзісам. Лічыцца, што пад тытулам “Справядлівы” (у значэнні “Найсправядлівейшы”) маецца на ўвазе правіцель сасанідскага Ірана Анушырван. Насамрэч, гэта быў яго тытул, а не імя. Найсправядлівейшым у абсалютнай ступені можна зваць толькі Пана Бога

³Ханакі – прыстанак суфіяў

Ён разбівае для падданных сады, будзе ім палацы і двары, у дастатку і спакоі яго ваяры. Дзякуючы яму, дзяўчыны карагоды па вечарах вядуць, хлопчыкі у масолкі⁴ гуляць ідуць.

Старыя пад напеў ткацкага станка ду'а за яго пяюць, дзяўчыны цярэбляць бавоўну і як бы ў барабан яго славы б'юць. Убогія бласлаўляюць яго і звяртаюцца з любым пытаннем, а ён праяўляе шчодрасць і ласку з усім жаданнем.

Галодных ён частуе са сваіх шчодрых сталоў, голых ён апранае з багатай казны сваіх дароў. Ён поіць сады Айчыны, нібы дождж жыццядайны, святлом вочы землякоў, як сонца акідае.

Мараць жыць пад яго ўладай падданыя любога царства, сярод прыгнечаных пануе пагалоска пра справядлівасць яго валадарства. Пра яго складаюць трактаты вучоныя, аб вартасцях яго *касыды*⁵ складаюць паэты, натхненнем акрыленыя. Заняткі спевакоў – песні пра яго складаць, справа музыкаў – мелодыі на славу яго ствараць.

Задавальяючы патрэбы народа, ён шукае міласці Бога заўсёды. Падчас разбору скаргі судовай ён не забывае пра Дзень адплаты суровай.

Маснаві:

*Ён цар народа, мудры і высакародны,
А ў шчырасці душы ён з дэрвішам падобны.
Перад царамі зямлі ён, як шах,
Прад беднякамі ён – як прах.
Наш свет зямны, як смецце, шле далей,
А царства сэрца для яго – мілей.
Палегчыць долю тых, хто немажжы,
Як шах Абуль-Газі, заўжды ён можа.
Султан Хусейн, вякамі слаўся,
У сутнасць чалавечнасці пракраўся.
Пакуль круціцца будзе купал неба,
Хай светам шах валодае як трэба,
Хай радасць ён нясе народу з сонцам,
Няхай жыццё яго працягнецца бясконца.*

Аб прававерных беках

На службе згаданага цара прававерны бек без загану падобны аднаму з чатырох набліжаных Прарока-пана ﷺ. Няўдачнікам ён

⁴Масолкі – гульня ў бабкі. Некалькі пар бабак (падкапытныя косці жывёлаў) ставяць на роўным месцы ў рад («кон») і з абумоўленага месца кожны гулец па чарзе зьбівае іх біткай (вялікая бабка, набітая свінцом). Збітыя бабкі лічацца выйгранымі.

⁵*Касыда* – паэма, ода, верш, які чытаецца нараспеў і звычайна ўсхваляе кагосьці

заступнік, выгод цара ён адданы ахоўнік. Словы праўды ён цару нагадае, і ад смяротных грахоў яго асцерагае.

Злому чалавеку ён нежданы, а добры ад цяжкасцяў ім уратаваны. Ён не думае аб прысваенні маёмасці людской, жонак адбіраць не думае ў мужоў. Бяспека падданных – яго патрэба, радасць народа – яму замест хлеба. Кожнаму верніку ён памочнік чуллiвы, кожны вернік да яго добразычлiвы.

Па прыродзе сваёй ён шчыры чалавек, сумленны ў прыдворнай службе гэты бек. Хай не будзе пазбаўлены такога бека шахскі двор, хай славіцца ў дзяржаве яго ўзор.

Аб недастойных намесніках

Часта сустракаецца намеснік-ашуканец, ад роду непрыстойны, бязбожны марнатравец. Выдае сябе за прарока гэты падлюга, пляце небыліцы пра Гаўрыіла і яго з'яўленне гэты зладзюга.

Сяброў ён цеснай дружбай з шахам спакушае, ілжывымі фактамі тое сяброўства ён пацвярджае. З-за сквапнасці ён пасылае няслушныя прадпісанні; ён дае ілжывыя звесткі, каб палепшыць свае прыдбанні. Дзеля набыцця маёмасці робіцца чыстай у яго нячыстасць, ганьбаванне вернікаў для яго – урачыстасць. Пакуль на свеце хлусня будзе квітнець, праўды слова ў яго не будзеш мець; каб атрымаць хабар, кажа ён адно, але душы яго не спасцігнуць дно. Такога намесніка, у якога слова – адно, а справы – другое, гнаць з царскага двара трэба мятлою.

Аб несправядлівых і распусных царах-невуках

Справядлівы цар падобны на люстэрка, несправядлівы – на яго бок адваротны; той ззяе, як светлая раніца, гэты з цемрай начной падобны. Прыгнёт – душы яго ўлада, распуста розум яго ўзяла ў асаду. У спусташэнні краіны ён шукае спакой, абадраўшы насельніцтва, ён задаволены сабой. Ён абарочвае галубятні ў гнёзды соваў, у руіны – дамы гарадоў вядомых.

На балі яго льецца віно ракою, а народ ад яго не ведае спакою. Дзеля цэгля для свайго віннага збана ён у мячэці купал разбярэ, для падлогі сваёй прыбіральні ён пліткі з мінбара⁶ здзярэ.

Калі ліць кроў любіць гэтая халера, баяцца за жыццё людзі ад гэтага людажэра. Калі ён п'янтос, вернік на вуліцу не кажа нос.

⁶Мінбар – узвышэнне, з якога чытае казань імам падчас пятнічнага набажэнства.

Калі ж ён распуснік і любадзей, нявінныя людзі баяцца за жонак і дзяцей. А калі ён упарты, прызнае толькі свой аргумент і любіць нос высока дзерці, то для беднага Наваі гэта горш ад смерці.

Непрыстойныя выхадкі яго, як ён думае, – гэта вясёлыя жарты, годныя ўчынкi іншых – нічога не варты. Вялікія заслугі ён вялікімі не кліча, з-за малаважнага промаху ісціну ён ісцінай не паліча.

Не спраўдзіцца яго памылковае прадказанне – нявінныя нясуць пакаранне. Калі мары яго немагчыма выкананне, нявінныя людзі падвяргаюцца катаванню.

Ён атрутай жывую ваду назаве – згаджайся з ім ці будзеш злачынцам названы; ён сонца імглою палічыць – пляскай у ладкі яму ці будзеш злыднем абшэльмаваны.

Уласная кропля вады для яго за ўсе моры даражэй, уласная парушынка – за пярліну мілей, і яго не турбуе пагібель чужога добра – яно для яго меднага шэлегу не варта, хай яно будзе, як гара. Калі людзі дзеля яго з жыццём расстаюцца, ён рады таму, што грошыкі яму дастаюцца.

Калі з ім не пагадзіцца, калі ён называе белым каршаком чорнага грака, а ты яму не скажаш, што ён спрытна ловіць гусей, чакай, што схопіць цябе яго рука. Калі ён светлы дзень цёмнай ноччу зваць захоча, будзеш пакараны, калі не скажаш, што зорка мігоча. Той, хто скажа праўду, расплаціцца галавой, той, хто заклікае да добра, развітаецца з душой. Ісціна для яго не ісціна, а дрэнь, і мудрэц не мудрэц, а цяляпень.

З народу нікому ён не рады, ніхто не ведае, куды ён закопвае скарбаў аграмаду. Ён прагне людзей караць і іх кішэні спусташаць, яго найвялішая радасць – рабаваць ды забіваць. Калі ў яго і вазір такі ж, як ён, – гэта ўсё адно, што Хаман і Фараон.

Бэйт:

*Чым будуць шах з вазірам гэткім,
Халера і чума нам лепей, дзеткі.*

Хай не выводзіць Бог такіх пачвараў у палац сусвету з цемры небыцця і з вязніцы нежывога ў горад жыцця.

Аб вазірах

Слова “вазір” утворана ад “візру”, што значыць “грэх”, і гэтаму адпавядаюць яго кожны крок і кожны брэх. Гэтую службу толькі вазір Саламона Асаф веў разумна і цярпліва, нездарма на пярсцёнку яго быў надпіс: “Аллаг літасцівы да таго, хто паводзіцца

справядліва”. Калі адправіўся Асаф на вечны супакой, усё сумленне вазіраў, відаць, ён забраў з сабой, таму ні ў каго з гэтых несумленных няма сумлення – жамчужыны дарагой.

Калі, нібы вецер, па ўсім свеце пройдзеш, падобнага да Асафа на гэтай чорнай зямлі не знойдзеш. А зрэшты, нават калі б такога, як Асаф, і знойдзеш, то дарма – трону Саламона даўно ўжо няма.

Гэтыя прыгнятальнікі псуюць краіны вядомасць, марнуюць назапашаную людзьмі маёмасць.

Лепш не чарніць пяро з-за гэтых сквапных і не пэцкаць паперы згадваннем гэтых нахабных. Яны такіх лекараў нам нагадаюць, якія хворых атрутай жыцця пазбаўляюць. І тыя, і другія падобныя да змей, шах павінен іх знішчыць хутчэй. Ім хоць бы што людскія энкі і стогны, яны джаляць людзей, як скарпіёны. Кончык іх пярэ – гэта джала, што нішчыць люд горш кінжала. Дакуль яны будуць тыраніць людзей? Хіба галаву растаўкуць аб брук – на гэта толькі спадзеў.

Маснаві:

Высока ці не, тыя людзі падняты,

Пакутуе народ невінаваты.

Хай смерцю цар сурова іх карае,

Бо наш Прарок сказаў: “Карайце тых, хто прыгнятае”.

Аб нягодных канцлерах

Канцлеры несумленныя чыняць справы страшэнныя. Калі яны да таго ж і зладзеі, то распуста і падкопы – вось іх надзеі. На іх балі спева і скокі, – гэта аплакванне навукі і веры глыбокай.

Бутлі з ружовай вадой, якія навукоўцы прыносяць, лакеі такіх канцлераў выпіваюць і віна просяць. Прызначаныя для вучоных прысмакі замест закускі кладуць сабе ў зяпу тыя вурдалакі.

Усе людскія даброты – для прыхамацяў тых бязродных. Чыняць злое людзі чорнай косці, нягоднікі ў іх – жаданыя госці. Харч дэрвішаў халуі іх з’ядаюць, за кошт заробку настаўнікаў іх малойчыкі квітнеюць.

Калі такі канцлер балюе, дык яго віном сам мухтасіб частуе, а кадый-суддзя тое віно сваёю барадой фільтруе⁷.

У дзяржаве, дзе ўсяму недазволенаму шырокая дарога, можна таптаць веру і закон трымаць нястрога.

Канцлер павінен навукоўцам паслугаваць, а старэйшын да сябе набліжаць, заможных да літасці заклікаць, немаёмных клопатам

⁷Мухтасіб – назіральнік за шарыяцкім ладам у горадзе, рэгіёне. Кадый – шарыяцкі суддзя. Дадзены пасаж падкрэслівае, што нягоднаму чыноўніку закон няпісаны.

атачаць, ён павінен наладжваць вакуфныя⁸ справы, развіваць земляробства ва ўсёй дзяржаве.

Маснаві:

*Хто п'яніца, распуснік ці мантач,
Па ім у гэтым царстве кожны плач.
Калі упартасць з фанабэрыяй у ім,
З яго халатам лепш дамовіцца, чым з ім.*

Аб войнах і войсках у паходзе

Як у паходзе войскаў многа, дык яны горш за Гога і Магога. Ні хвілі яны не сядзяць без справы, у іх вечна тлум і паходы за славай. Яны чужыя краі рабуюць і аб'ядаюць, нівы ад іх, нібы ад саранчы, знікаюць.

Чалавечнасць для іх нічога не значыць, праведнасць сцёртая з іх памяці няўдзячнай.

Па прыродзе яны някемлівыя і недалёкія, розум і веды іх неглыбокія. Яны без роздуму ідуць у любую краіну, нішто не абудзіць іх ад мрояў наіўных. Яны не адчуваюць ні спякоты, ні холаду, не адчуваюць ні галізны, ні голаду. У зверствах яны горш за ўсе стварэнні, драпежнасцю горш усіх звяроў.

Рубаі:

*Няма дзівосней тых людзей, чым гэты васьм народ,
Чым больш жаруць яны харчоў, тым горш бурчыць жылот.
І томіць сквапнасць, мучыць прага іх да смерці без канца,
А іншых, праўду вам сказаць, няма для іх клопот.*

Але васьм што цудоўна – і сярод іх ёсць высакародныя мужы, бо кожнае саслоўе надзелена ласкай нябеснай.

Войскі маюць перакупшчыкаў сваіх, якія танна бяруць і дорага перапрадаюць здабычу іх. Яны здабываюць барыш з салдацкага грабежніцтва, як чыноўнікі атрымліваюць здабычу ад насельніцтва.

Бэйт:

*І ўсе сабраныя ў баях трафеі ваяроў,
Дабром ці не, сплывуць ураз да гэтых таргашоў.*

Чалавек не ў сілах штосьці ім даказаць: сам Пан Бог павінен такіх пакараць.

⁸Вакф (мн.л. вакуф) – дабрачынны фонд у шарыяце, прызначаны для розных грамадска-карысных мэтай: развіцця адукацыі, культуры, навукі, разліку з пазыкамі для даўжнікоў, падтрымкі жадаючых стварыць сям'ю, апекі сірат, адзінокіх старых, утрымання храмаў, дарог, вадаёмаў з пітной вадой, безнаглядных жывёл і г.д.

Пра тое, як людзі цара падобныя на самога цара

Той, хто ў цара службу нясе, па прыкладзе свайго цара вядзе справы ўсе. Калі пры цары будзе справядлівасць узнята, і гэты ў служэнні праўдзе будзе заўзяты. Калі будзе несправядлівы валадар, то і слуга ягоны будзе мукар⁹. Калі гаспадар трымае правай веры, дык і падданыя яго натхнёныя верай і даверам. Але калі ён бязбожнік які, то і народ яго, несумненна, такі.

Мудрацы параўноўваюць цара з возерам, а народ яго з рэкамі, што з возера выцякаюць. Якая ў возеры вада, такой і ў рацэ яна будзе заўсёды. Калі яна там гарчыць, то і тут яна гарчыць, калі там яна прэсная, то і тут прэсная. Калі там каламутная, то і тут каламутная, калі там празрыстая, то і тут яна празрыстая.

Маснаві:

*Ад возера ідзе канал. Мудрэц заўсёды
Пацвердзіць: тут і там аднолькавыя воды.
Калі ж вада ў рацэ і возеры адна і тая ж,
То не патрэбен той, хто іх супастаўляе.*

Аб суддзях

Суддзя ў будынку веры з'яўляецца стаўпом, ён вызначае адрозненні паміж дабром і злом. Яго сэрца павінна быць ачышчана духоўнымі ведамі, яго розум павінен быць кіравацца дакладнымі навукамі, яго сэрца павінна быць вызвалена ад асабістых схільнасцей, ён павінен далёка адкінуць ад сябе крывадушнасць.

Суд яго павінен быць скарбам духоўных зорак, ён павінен справядліва судзіць кожнага, не зважаючы на тое, сябар ён ці вораг.

Ад яго ведаў і набожнасці яго ў захапленні светлых сэрцаў крыніцы, яго тонкае следства і праніклівасць – страшны сон зламыснікаў і злачынцаў.

Сэрца яго павінна быць Божымі прадпісаннямі ўмацавана, рашэнне яго прароцкімі хадзісамі павінна быць абгрунтавана. Яго розум павінен быць ад юрыдычных хітрыкаў чыстым, яго розум не павінен быць прыцемнены выкрутасамі юрыстаў. Муфціяў-хабарнікаў ён павінен вінаваціць, фальшывых вакіляў¹⁰ павінен сарамаціць. Заслугоўвае пакарання суддзя-невук, які любіць віно; спаліць бы такога перш, чым ён патрапіць у Агонь, на пякельнае дно.

Суддзя-хабарнік, які закон парушае, сцяну крэпасці веры ламае.

⁹ Мукар: у татарскіх рукапісах – анёл, які абавязаны дастаўляць пакуты нявернікам і грэшнікам у Пекле.

¹⁰ Вакіль – паручальнік, той хто ўзяў на сябе паручальніцтва

Той, якога людзі могуць хабарам падкупіць, можа за хабар і закон пераступіць. Суддзя не павінен сам абыходзіць закон, з дакладнага шляху збівацца не павінен ён. Скрыўленне і прамую лінію зробіць крывой, нельга наладзіць музычны інструмент з ненацягнутай струной.

Павінен быць жорстка пакараны суддзя-абармот, чыё рашэнне губіць маёмасць народа і сам народ. Суддзя, у якога няма арыенціра ў яго шляху абодвух сусветаў, апынецца на дне калодзежа бедаў.

Наогул распуснік і хлус той, хто судзейскую справу вядзе непатрэбным тонам, а таму, хто распуснік і хлус, нельга давяраць распараджэнне Прароцкім законам.

Овезов М

Открытие в коранистике, сделаное в Минской мечети

В Минской Соборной мечети была проведена работа по исследованию одной из самых интригующих рукописей Корана первого века хиджры, которую Минская Соборная Мечеть имела честь преподнести в дар уважаемой госпоже Семихе Йылдырым. Рукопись под номером «Торкарі Sarayі Medina 1а». Этот манускрипт был сфотографирован немецкими исследователями Отто Претцл и Готтхельф Бергштрассер в 1930-х годах. На сегодняшний день в их каталоге указано, что рукопись содержит 308 листов. Фотокаталог страниц рукописей начинается со страницы 1б с 60 аята 6 суры и идет до конца Корана без единого пропуска, что дает около 78% от всего

Лакуна в листе 1б, через которую виден неучтенный в немецком каталоге лист

текста Корана. Таким образом, эта рукопись дает весь текст Корана с 6:60 и до конца. Но в ходе нашего исследования этой рукописи была обнаружена лакуна в первом листе 1б. Будучи фотографией с гесто (оборота страницы), лакуна показывала оборот предыдущего листа, который тоже содержал текст. Это показало, что немецкий каталог страниц неточен. Данная заметка была обсуждена с французским исследователем рукописей Корана – Элеонорой Селлар

(ElleonoreCellard) из Колледж ду Франс, и она указала, что в каталоге рукописей Фехми Эдхем Каратай указано, что эта рукопись (в каталоге Каратая она под номером M1) содержит 391 лист. Учитывая это, немецкий каталог не содержит 86 листов этой рукописи. Эти недостающие 86 листов могут дать почти полный текст Корана этого манускрипта. Сама рукопись палеографически датируется серединой первого века хиджры, до правления Абдуль Малика ибн Марвана или на первую половину его правления. В нашем исследовании рукопись была исследована с текстологической позиции, и показала, что текстологически это слово в слово тот же текст Корана, который печатается сегодня без каких-либо искажений. Таким образом, в Минской Соборной мечети было сделано небольшое открытие, которое позволило

*Жена премьер министра
Турции – Семиха
Йылдырым с сыном
Эркамом Йылдырымом с
муфтием МРО в РБ Абу-
Бекир хазрат
Шабановичем*

выдвинуть предположение, что данная рукопись Корана может быть почти полной. Если данные соображения найдут фактическое подтверждение, то эта рукопись станет одной из самых полных и древних рукописей Корана, которая была написана в период, когда еще жило много сподвижников пророка Мухаммада, мир ему. В связи с этим, муфтий МРО в РБ Абу-Бекир Шабанович, обратился с просьбой к уважаемому Эркану Йылдырыму – сыну премьер-министра Турции – Бинали Йылдырыма, с просьбой помочь в данных исследованиях.

Просим Аллаха Всевышнего завершить это исследование успехом!

Пераклад Кур'ану

Сура 1. Аль-Фаціха (“Адкрываючая”)

1. У імя Аллага, Ласкавага, Літасцівага!
2. Хвала Аллагу, Пану сусветаў,
3. Ласкаваму, Літасціваму,
4. Валадару Суднага дня!
5. Толькі Табе мы кланяемся і ў Аднаго Цябе просім пра дапамогу.
6. Вядзі нас шляхам прамым,
7. шляхам тых, каго надзяліў Ты дабротамі, а не тых, хто пад гневам Тваім і не аблудных¹¹.

Сура 2. Аль-Бакара (“Карова”)

У імя Аллага, Ласкавага, Літасцівага!

1. Аліф Лям Мім¹².
2. Тое – Пісанне, у якім няма сумневу, – прамы шлях для баязнікаў Божых,
3. якія вераць у таёмнае, моляцца і ахвяруюць з таго, чым надзялілі Мы іх,
4. якія вераць у тое, што паслана табе, і ў пасланае да цябе, і перакананы ў існаванні жыцця вечнага.
5. Яны на шляху іх Пана і яны прыдбалі поспех.
6. Папраўдзе, нявернікам усё адно, перасцярог ты іх ці не – яны не павераць.
7. Аллаг наклаў пячаткі на іх сэрцы і слых, а на вачах іх – заслона. Іх чакае вялікая кара.
8. Ёсць між людзей такія, хто кажа: “Мы паверылі ў Аллага і ў Апошні Дзень”, а насамрэч яны не вераць.

¹¹“хто пад гневам”: маюцца на ўвазе тыя, хто ведае ісціну, але не жыве ў адпаведнасці з ёй; “аблудных”: маюцца на ўвазе тыя, хто свядома абраў аблуду і адмовіўся ад ісціны.

¹² 29 сур Кур'ану пачынаюцца з арабскіх літар, якія сведчаць пра непараўнальнасць (і'джаз) Богага слова. Арабы часоў Прарока Мухамада ﷺ славіліся красамоўствам і літарныя зачыны даводзілі незвычайнасць святога тэксту.

9. Яны намагаюцца падмануць Аллага і вернікаў, а насамрэч яны падманваюць адно саміх сябе, нават не разумеючы таго.
10. Хворыя іх сэрцы і ўзмоцніць Аллаг тую хваробу. Чакае іх пакутная кара за іх падман¹³.
11. Калі кажуць ім: “Не пашырайце поскудзь на зямлі”, яны адказваюць: “Толькі мы і даводзім усё да ладу”.
12. Ды не! Папраўдзе яны – распуснікі, хоць самі таго і не адчуваюць.
13. І калі ім кажуць: “Паверце так, як вераць людзі”, то яны адказваюць: “Няўжо мы паверым таксама, як паверылі дурні?” Ды не! Папраўдзе, гэта яны дурныя, хоць і не ведаюць таго.
14. І калі яны сустракаюць вернікаў, то кажуць ім: “Мы паверылі”. А калі застаюцца сам-насам са сваімі д’ябламi, то кажуць: “Мы – з вамі і адно толькі насміхаемся”.
15. Гэта Аллаг пасмяецца з іх і кіне блукаць у непаслушэнстве.
16. Яны – тыя, хто прыдбаў аблуду за прамы шлях. Але няма прыбытку ў гэтай справе і не ідуць яны прамой дарогай.
17. Яны нібы тыя, хто распаліў агонь, а калі ён асвятліў усё навокал, Аллаг забраў гэта святло, пакінуўшы іх у цемры, і нічога не бачаць яны.
18. Глухія, нямыя, сляпыя! Яны не вернуцца [на прамую дарогу].
19. Або яны нібы тыя, хто трапіў пад лівень з неба, дзе цемра, гром і бліскавіца. Яны з-за страху смерці затуляюць вушы пальцамі, калі б’е пярун. Аллаг атачае нявернікаў.
20. Бліскавіца толькі што не асляпляе іх. Калі сполах асвятляе, яны ідуць, а калі цямнее – спыняюцца. Каб Аллаг захацеў, то забраў бы іх слых і зрок. Папраўдзе, Аллаг можа абсалютна ўсё.

¹³ Маюцца на ўвазе крывадушнікі (недаваркі).

21. О, людзі! Пакланяйцеся Пану Богу вашаму, Які стварыў і вас, і вашых папярэднікаў. Магчыма, вы будзеце баязнікамі Божымі.
22. Тому, Хто стварыў для вас зямлю ложкам, а неба – дахам, Хто паслаў з неба ваду і прарасціў ёй плады для вашага пажытку, то не надавайце свядома Аллагу раўні.
23. Калі вы сумняецеся ў тым, што паслалі Мы рабу Нашаму, то прынясіце суру, падобную да гэтай, і паклічце сваіх сведкаў, апроч Аллага, калі вы кажаце праўду.
24. А калі вы не зробіце гэтага, – а вам ніколі гэтага не зрабіць, – то бойцеся Агню, палівам якому будуць людзі і каменне. Чакае ён нявернікаў.
25. Узрадуі дабравесцем вернікаў і дабрачынцаў. Іх чакаюць сады, дзе цякуць рэкі. Калі надзяляюць іх пладамі адтуль, яны кажуць: “Гэта тое, чым мы былі надзелены раней”, а насамрэч гэта падобна на тое толькі звонку. Займеюць яны там чыстых жонак. І будуць там навечна.
26. Папраўдзе, Аллаг не саромеецца прывесці як прыклад камара або нават штось меншае за яго. Вернікі ведаюць, што гэта прыпавесць – ісціна ад Пана іх, а нявернікі кажуць: “Што хацеў сказаць Аллаг гэтай прыпавесцю?” Шмат каго Ён збівае са шляху і багата каго вядзе прамой дарогай. А са шляху збіваюцца адно распуснікі,
27. якія парушаюць завет Божы пасля прыняцця яго, разрываюць тое, што Аллаг заповёў яднаць, і разводзяць поскудзь на зямлі. Яны застануцца ні з чым.
28. Як гэта вы не верыце ў Аллага? Вы былі мёртвымі, а Ён ажывіў вас. Потым Ён зноў пазбавіць вас жыцця і зноў верне вам яго, і да Яго вернецца вы [для адплаты]¹⁴.
29. Ён – Той, Хто стварыў для вас усё, што на зямлі, а пасля звярнуўся да неба і ўпарадкаваў сем нябёсаў. Ён ведае пра ўсё.
30. І калі сказаў Пан твой анёлам: “Я пастаўлю на зямлі намесніка”, яны спыталі: “Ці Ты хочаш паставіць там таго,

¹⁴ “Вы былі мёртвымі” – каментар імама Куртубі на (40:11): “вы існавалі ў спінах бацькоў”.

- хто будзе чыніць распусту і ліць кроў, тады як мы услаўляем Цябе хвалою і ўслаўляем святасць Тваю?” Ён адказаў: “Я ведаю тое, чаго не ведаеце вы”.
31. І Ён навучыў Адама ўсім імёнам, а потым сказаў анёлам: “Назавіце Мне гэтыя імёны, калі вы кажаце праўду”.
32. Тыя адказалі: “Прачысты Ты! Мы ведаем толькі тое, чаму Ты нас навучыў. Папраўдзе, Ты – Усёведны, Мудры”.
33. Тады Ён сказаў: “О Адам! Назаві ім тыя імёны”. А калі ён назваў іх імёны, Ён мовіў: “Ці ж не казаў Я вам, што ведаю таямніцы нябёс і зямлі, і ведаю тое, што вы выяўляеце і хаваеце”.
34. І калі Мы сказалі анёлам: “Схіліцеся ў паклоне перад Адамам”, то пакланіліся ўсе, акрамя Ібліса, які адмовіўся, занёсся і стаў нявернікам.
35. Сказалі Мы: “О, Адам! Жыві разам са сваёй жонкай у Раі. Ешце ўволю, калі б ні схацелі. Але не набліжайцеся да гэтага дрэва, бо станеце аднымі з несправядлівых”.
36. Шайтан змусіў іх выйсці адтуль. Яны мусілі пакінуць тое, што было там, і сказалі Мы: “Прэч! І адны з вас будуць ворагамі іншым. Зямля стане вам прытулкам і пажыткам да пары”.
37. І прыняў Адам словы Пана свайго і пакаяўся прад Ім. Папраўдзе, Ён – прымае каяту, Літасцівы.
38. І сказалі Мы: “Прэч адтуль усе!” А калі з’явіцца вам ад Мяне прамы шлях, то тыя хто рушыць за Маім настаўленнем, не зведаюць страху, ні засмучэння.
39. А нявернікі, якія адрывуць Нашы азнакі – насельнікі Пекла. Быць ім там давеку.
40. О, сыны Ісраілевы! Згадайце даброты Мае, якімі Я надзяліў вас. Трымайцеся запавету са Мною, і Я буду трымацца запавету з вамі, і бойцеся аднаго Мяне!
41. І паверце ў тое, што Я паслаў для пацверджання дадзенага вам, дык не станьце ж першымі, хто не паверыць

- у гэта. Не прадавайце азнакаў Маіх за мізэрную плату і бойцеся толькі Мяне.
42. Не ухутвайце ісціну ў няпраўду і не хавайце ісціну сьвядома.
43. Здзяйсняяце намаз, давайце закят¹⁵ і кланяйцеся разам з паклоннікамі.
44. Няўжо вы заклікаеце людзей да набожнасці і забываеце пра сябе? Але ж вы чытаеце Пісанне! Хіба вы не разумееце?
45. Шукайце дапамогі ў цярпенні і малітве. Гэта цяжка для кожнага, апрача рахманых,
46. якія перакананы, што сустрэнуць Пана свайго і вярнуцца да Яго.
47. О, сыны Ісраіля! Згадайце даброты Мае, якімі Я надзяліў вас. Я ўзвысіў вас над астатнімі насельнікамі сусветаў.
48. І бойцеся таго Дня, калі ніводная душа не панясе чужой кары, не прымуць ад яе заступніцтва і не возьмуць ад яе выкупу. І не будзе ні ў кога памочнікаў.
49. Вось мы выратавалі вас ад роду Фір'аўна (*Фараона*), які чыніў над вамі жорсткую расправу, забіваючы сыноў вашых і пакідаючы жывымі (або няславячы, гвалцячы) вашых жанок. І ў гэтым для вас ад Пана вашага вялікае выпрабаванне.
50. І вось раскрылі Мы мора для вас і ўратавалі вас, патапіўшы там род Фір'аўна. І вы бачылі тое.
51. Вось Мы паклікалі Мусу на сорок начэй. Але пасля таго вы ўзяліся кланяцца цяляці, стаўшы распуснікамі.
52. Потым, пасля таго Мы даравалі вам грахі, каб вы былі ўдзячнымі.
53. Вось Мы далі Мусе Пісанне і адрозненне, каб вы рушылі прамым шляхам.
54. Сказаў Муса свайму народу: “О, народзе мой! Узяўшыся кланяцца цяляці, вы пакрыўдзілі самі сябе.

¹⁵Закят – абавязковая міласціна, якую даюць для маламаёмных.

- Пакайцеся перад Стваральнікам сваім і пазбаўце жыцця [нявернікаў] з вашага ліку – так будзе лепш для вас перад Стваральнікам вашым. І прыме Ён каяту вашу, папраўдзе, Ён – прымае каяту, Літасцівы”.
55. І вось сказалі вы: “О, Муса! Мы не паверым табе, пакуль не пабачым Аллага на ўласныя вочы”. І ўдарыла вас бліскавіца, калі вы ўзіраліся.
56. А потым Мы ўваскрасілі вас пасля вашай смерці, каб вы былі ўдзячныя.
57. І Мы ахінулі вас ценем ад воблака і паслалі вам манну і перапёлак. Ешце даброты, якімі Мы надзялілі вас! Яны былі несправядлівыя не да Нас, а да саміх сябе.
58. Мы сказалі: “Увайдзіце ў гэта селішча. Ешце ўволю, калі і дзе захочаце. Увайдзіце ў браму, схіліўшыся ў паклоне і кажучы: “Прабач нам!”, каб Мы даравалі грахі вашы і памнажалі [узнагароду] дабрачынцам.
59. Беззаконнікі замянілі сказаныя ім словы на іншыя. Тады мы паслалі на беззаконнікаў кару нябесную – за тое, што яны чынілі распусту.
60. Калі ж Муса папрасіў вады для народу свайго, Мы сказалі: “Удар сваім кіем у скалу!” І пацяклі адтуль дванаццаць крыніц. І ведаў кожны род, адкуль яму піць. Ешце і піце з таго, чым надзяліў вас Аллаг! І не сейце на зямлі нічога злага!
61. І вось вы сказалі: “О Муса! Абрыдла нам есці адно і тое ж. Папрасі свайго Пана, каб Ён вырастціў нам тое, што расце на зямлі: зяленіва, агуркі, часнок, чачавіцу і цыбулю”. Адказаў Муса: “Няўжо вы просіце замяніць лепшае на горшае? Вярніцеся ў Егіпет (або ў той горад, скуль выйшлі). Там будзе вам, чаго вы просіце”. Іх напаткалі прыніжэнне і нястача, і наклікалі яны на сябе гнеў Аллага. Гэта ім за тое, што яны не верылі ў азнакі Божыя, забівалі прарокаў без аніякага права на тое, чынілі непаслушэнства і былі парушальнікамі.

62. Папраўдзе, вернікам, юдэям, хрысціянам і сабіям¹⁶ – усім, хто паверыў у Аллага, у Апошні Дзень і хто рабіў дабро – узнагарода ў Пана іх. Не спазнаюць яны страху і не будуць засмучаны.
63. Калі Мы заключылі з вамі завет і ўзнеслі над вамі гару [Сінай]: “Цвёрда трымайцеся таго, што Мы далі вам! Згадвайце тое, што ў ім – мажліва, будзеце вы баязнікамі Божымі”.
64. Але пасля таго вы адварнуліся. І каб не ласка Аллага да вас і не літасць Яго, вы б абавязкова зазналі страту (=страцілі б усё).
65. Вы ведалі тых між вас, хто парушаў суботу. Таму Мы сказалі ім: “Будзьце малпамі мізэрнымі!”
66. Мы зрабілі гэта [пакаранне] прыкладам для сучаснікаў і наступных пакаленняў, і ўрокам для баязнікаў Божых.
67. Калі сказаў Муса народу свайму: “Папраўдзе, Аллаг загадвае вам зарэзаць карову!”, яны спыталі: “Ты што, смяешся з нас?” Той адказаў: “Хай Бог бароніць, каб я быў невукам”.
68. Яны сказалі: “Папрасі свайго Пана, каб Ён патлумачыў нам, якой яна павінна быць”. Муса адказаў: “Ён кажа: карова павінна быць не старою і не цёлкай, а чымсьці сярэднім паміж гэтым. Дык рабіце ж, што вам загадана”.
69. Яны сказалі: “Папрасі свайго Пана, каб Ён патлумачыў нам, якой яна павінна быць масці!” Муса адказаў: “Ён кажа: карова павінна быць светла-рудая. Цешыцца той, хто гляне на яе”.
70. Яны сказалі: “Папрасі свайго Пана, каб Ён патлумачыў нам, якой павінна яна быць, бо ўсе каровы для

¹⁶ Сабіі - абии (араб. صابئة) – у блізкаўсходняй традыцыі рэлігійная група, якая належыць да людзей Пісання нароўні з юдэямі і хрысціянамі. Само слова “сабіі” мае арамейскае паходжанне і ў арабскай мове выкарыстоўвалася ў значэнні людзей, які перайшлі з адной рэлігіі ў іншую (меканскія паганцы называлі так першых мусульман). У тафсірах згадваецца, што сярод некаторых сабіяў была пашырана ідэя адзінабожжа.

- нас аднолькавыя. Тады, калі будзе заўгодна Аллагу, мы абавязкова рушым праўдзівым шляхам”.
71. Муса адказаў: “Ён кажа, што гэта карова, якая не арэ і не выкарыстоўваецца для арашэння. Яна павінна быць здаровая і не мець аніякіх плям”. Яны адказалі: “Цяпер ты прыйшоў з ісцінай [поўнага тлумачэння]” І яны зарэзалі яе, хоць ужо меліся гэтага не рабіць.
72. І калі вы забілі жывую душу і спрачаліся пра тое, Аллах выявіў тое, што вы прыхоўвалі.
73. Мы сказалі: “Ударце [нябожчыка] пэўнай часткай каровы! Так Аллаг ажыўляе памерлых і паказвае вам азнакі Свае – мажліва, вы зразумеце”.
74. Потым сэрцы вашы ачарсцвелі і сталі нібы камень, або нават цвярдзей. Але ёсць скалы, з якіх бруацца крыніцы, і такія, якія рассякаюцца і выцякае з іх вада, і нават такія, што падаюць, баючыся Аллага. І Аллаг не занядае таго, што робіце вы.
75. Няўжо вы спадзяецеся, што яны вам павераць? Сярод іх былі тыя, хто чуў словы Аллага, а потым, зразумеўшы, свядома перакручвалі іх.
76. Пры сустрэчы з вернікамі яны казалі: “Мы паверылі!” А застаючыся сам-насам, казалі: “Навошта вы распавядаеце ім тое, што Аллаг адкрыў вам? Няўжо для таго, каб яны скарысталі гэта супраць вас перад Панам вашым? Няўжо вы не разумеце?”
77. Ды хіба яны не ведаюць, што Аллаг ведае і тое, што яны хаваюць, і тое, што яны выяўляюць?
78. Сярод іх ёсць прасцякі, якія не ведаюць Пісання, а толькі марна спадзяюцца і гадаюць у думках. Але тое – толькі іх здагадкі.
79. Гора тым, хто ўласнаручна піша Пісанне, а пасля кажа: “Гэта – ад Аллага”, каб прадаць гэта за мізэрны кошт. Гора ім за тое, што яны напісалі і гора ім за тое, што яны прыдбалі!

80. Яны кажучь: “Агонь не кране нас, хіба толькі на лічанья дні” Скажы: “Няўжо вы заключылі дамову з Аллагам? Аллаг не парушае Свае абяцанні. Але вы кажаце пра Аллага тое, чаго і самі не ведаеце (=немаведама што)!”
81. Так і ёсць. Тыя, хто ўчыніў злое і каго ахапіў уласны грэх¹⁷, – насельнікі Пекла. І быць ім там давеку.
82. А вернікі і дабрачынцы – жыхары Раю. І быць ім там давеку.
83. Вось Мы заключылі заповіт з сынамі Ісраіля: “Не пакланяйся нікому, апроча Аллага, стаўцеся як найлепей да бацькоў, сваякоў, сінат і жабракоў. Кажыце людзям слова добрае, рабіце намаз і давайце закят”. Але потым вы адварнуліся, акрамя нешматлікіх, і адступілі.
84. Заключылі Мы з вамі заповіт: “Не пралівайце крыві адно аднаго і не выганяйце адно аднаго з жытлаў сваіх”. Вы пацвердзілі тое і сведчылі аб гэтым.
85. Але потым вы сталі забіваць адно аднаго і выгналі некаторых з вас прэч з іх дамоў. Патуралі вы адно аднаму ў граху і варажнечы. І калі прыводзяць іх да вас паланёнымі, вы даеце за іх выкуп. Але ж вам было забаронена выганяць іх! Няўжо вы верыце ў адну частку Пісання і адрынаеце другую? Адплатай тым, хто так робіць, будзе ганьба ў сэгасветным жыцці, а ў Дзень Уваскрэсення вас пакараюць яшчэ горшай караю. Аллаг не занядбае таго, што вы робіце.

¹⁷ Грэх: тут – паганства, шматбожжа

Стилометрия Корана: два взгляда

Текстология Корана является предметом многочисленных исследований. Как правило, исследования располагают традиционным материалом: рукописями и историческими сведениями, получаемыми на основе раскопок или летописных сведений, которые анализируются посредством традиционных же научных методов. Но в век компьютерных технологий инновации открыли дверь к совершенно неожиданному и новому методу исследований текста.

Существует особая дисциплина – стилометрия¹⁸. Она представляет собой разновидность искусственного разума, представленного программным обеспечением, которое на основе различных математических алгоритмов исследует загружаемый текст и выводит в процентном соотношении общий стиль автора текста. Этот метод помогает выяснить, какова типичная для данного автора длина предложения, каковы методы оформления предложений, каков стандартный словарный запас, каковы литературные приемы, с какой частотой он пользуется тем или иным приемом, словом. Анализу поддается как словарный запас по отдельности, взаимодействие слов, также и построение предложений, их длина, оформление и общая стилистика текста. Конечный результат представляет из себя подробнейший результат вычислений, где в числовом виде выводится типичный маркер стиля автора. Применяется это, в основном, в западных странах в сфере научных исследований, где новая научная работа загружается в стилометрическое программное обеспечение с целью обнаружить в работе плагиат. Точность алгоритмов позволяет вычленивать из текста инородные фразы и предложения, которые автор мог списать из других источников, скрывая это. Стилометрия используется также в юридической экспертизе.

Метод доктора Садеги

В начале XXI века был предпринят ряд исследований текста Корана с применением стилометрии. На сегодняшний день одним из наиболее авторитетных исследований является результат длительной работы талантливого ученого, магистра Университета Райза в

¹⁸ Стилометрия — исследование стилистики, обычно включающее статистический анализ и относящееся к письменному тексту. Обычно стилометрия используется для атрибуции или датировки текста и применяется как в филологии, так и в юридической экспертизе.

электротехнике (математической теории управления), доктора наук Принстонского университета – Бехнама Садеги (BehnamSadeghi) в его работе «Хронология Корана: программа стилометрического исследования», опубликованной в 2011 году¹⁹. В исследовании он затрагивает различные вопросы, связанные с кораническим текстом, и подробно разбирает все его части. Автор доказывает, что стилометрия позволяет установить не только то, что Коран был написан одним автором, но, что не менее важно, демонстрирует так называемый «стилистический разрыв», который наглядно показывает такое явление как отмена/замена аята, как об этом говорится в самом Коране: **«Когда Мы отменяем или заставляем забыть один аят, то приводим тот, который лучше его, или равный ему» 2:106**. И это в своей совокупности явно демонстрирует скачки стиля параллельно событиям из жизни пророка Мухаммада, мир ему и благословение Аллаха. Ранние суры имеют свои стилистические особенности, а поздние – свои.

Таким образом, стилометрия показывает не только то, что автор Корана является одним лицом, но и показывает стилистические «слои» текста, развивавшегося на протяжении 23 лет пророчества. Это позволяет выявить хронологию аятов методами стилистического соответствия.

Подводя итоги, автор пишет:

There are also implications for the *Sira* literature. It has always been evident that there is a fit between the Prophet's biography in the *Sira* and the Qur'an's style and contents. At the broadest level, the *hijra* divides the Prophet's career into two different periods, a nice fit with the fact that stylistically these periods are distinct. More particularly, there are apparent links between the major events of the Prophet's career and specific passages. The connections are noteworthy enough for the *Sira* to offer a "plausible chronological framework for the revelations".⁶⁷ These connections have normally been exploited to shed light on the chronology of the Qur'an. For example, Bazargan uses them to test and calibrate his chronology. Thus, the flow of information has been more often from the *Sira* to the Qur'an, although one could also have argued for mutual corroboration between the *Sira* and the Qur'an. Now, however, that one is able in some measure to evaluate chronologies of the Qur'an without resort to historical reports, one can reverse the direction of information flow: to the extent that a style-supported chronology fits the *Sira*'s outline, there is independent substantiation of the *Sira*.

«Есть также влияние для сиры, жизнеописательной литературы. Всегда было очевидно, что существует совпадение между биографией Пророка и стилем и содержанием Корана. На всех

¹⁹ «The Chronology of the Qur'an: A Stylometric Research Program» опубликованная BRILL *Arabica* 58 (2011) 210-299

уровнях хиджра делит жизнь Пророка на два разных периода, это хорошо представлено тем, что стилистически эти периоды различны. В частности, существуют очевидные связи между основными событиями жизни Пророка и конкретными местами текста. Совпадения заслуживают внимания для изучения сиры, чтобы предложить «вероятную хронологическую структуру откровений». Эти соединения используются для того, чтобы пролить свет на хронологию Корана. Например, Базарган использует их для перепроверки и выверки хронологии.

Таким образом, прежде поток информации был более обширным из сиры для хронологии Корана, хотя можно было бы также обсуждать взаимное подтверждение сиры и Корана. Теперь, в какой-то мере *можно исследовать хронологию Корана, не прибегая к историческим данным...*²⁰.

Автор резюмирует свою работу словами:

Implications

Literary sources and manuscript evidence indicate that the Prophet Muḥammad disseminated the contents of the Qurʾān, and that the Caliph ʿUṭmān dispatched master copies of the scripture to several cities.⁶⁵ As a *thought experiment*, however, let us unlearn what we know, imagining that we had come across the Qurʾān not knowing where it came from or who disseminated it. In fact, let us even overlook the semantic contents of the text. What could one conclude about the Qurʾān's composition just from the formal-stylistic patterns observed?

One would conclude that *style backs the hypothesis of one author*. For the sake of argument, suppose there were two authors: let's say *A* wrote Groups 1-11, and *B* wrote 12-22. Then one would have to say that the style of *A* moved along a trajectory towards that of *B*, or that *B* picked up where *A* stopped, with respect to not only verse length, but also frequencies of the most common morphemes and frequencies of uncommon words. It is much easier to imagine a single author. Furthermore, if one assumed three, four, or more authors instead of two, the improbability would increase exponentially. Imagine three authors: author *A* being responsible for Groups {1-5}, *B* for {6-11}, and *C* for {12-22}. Again, one would have to explain why *A*'s style gravitated over time towards that of *B*, not only in terms of verse length, but also in terms of vocabulary usage for high-, medium-, and low-frequency morphemes. Moreover, one would need to explain why the style of *B* forms an intermediate stage between those of *A* and *C* in terms of the various markers of style that have been considered. If one imagined seven authors, one would have to explain why each person's style is between two others not only with respect to verse length, but also with respect to frequent morphemes, medium-frequency morphemes, and unusual words.

«Литературные источники и рукописи свидетельствуют о том, что Пророк Мухаммад распространил содержание Корана, а халиф Осман разослал копии Писания в несколько городов. Как *мысленный*

²⁰The Chronology of the Qurʾān, стр. 289

эксперимент, давайте забудем то, что мы знаем о Коране, откуда он взялся и как он распространялся. Давайте по факту взглянем на семантическое содержание текста. Что можно заключить о композиции Корана только со стороны формально-стилистических наблюдений?

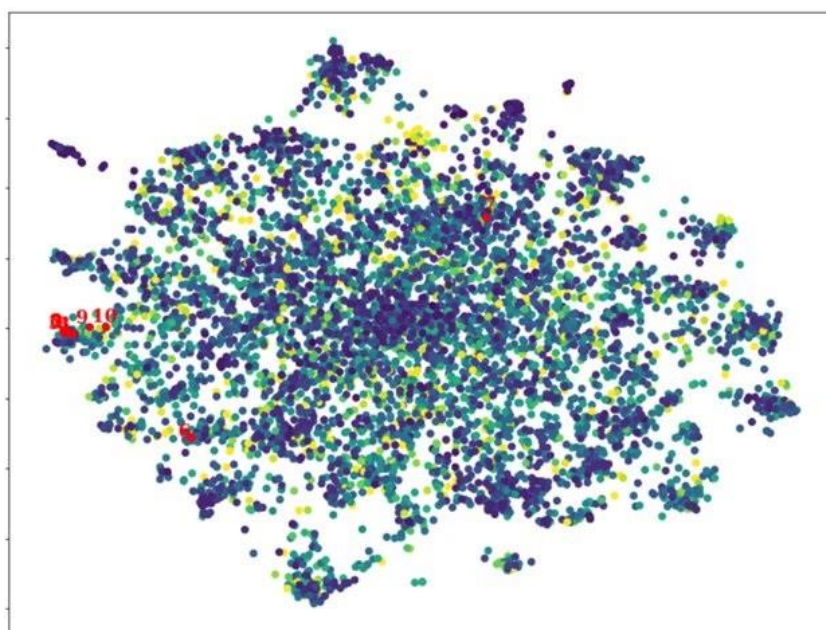
Одно можно заключить, что *стиль поддерживает гипотезу об одном авторе*. Ради аргументации, предположим, что есть два автора: скажем, автор А написал группы 1-11, а автор Б написал 12-22. Тогда нужно сказать, что стиль А перемещается по траектории к траектории Б, или что Б поднялся туда, где А остановился, в отношении не только длины стиха, но и частоты наиболее распространенных морфем и частоты гапакса (*крайне редко используемое слово*). Гораздо проще представить себе одного автора. Кроме того, если предположить трёх, четырёх или более авторов вместо двух, невероятность увеличивалась бы экспоненциально. Представьте три автора: автор А отвечает за группы {1-5}, Б- {6-11}, и С – {12-22}. Опять же, нужно было бы объяснить, почему стиль А тяготел со временем к Б, не только в размерах длины стиха, но и в объемах использования лексики для высоко-, средне- и низкочастотных морфем. Более того, нужно было бы объяснить, почему стиль Б образует промежуточный стиль между теми, что есть в А и С, с точки зрения различных маркеров стиля, которые были рассмотрены. Если представить себе семь авторов, нужно было бы объяснить, почему стиль каждого автора находится между двумя другими не только в отношении длины стиха, но также и в отношении частых морфем, среднечастотных морфем и необычных слов (*гапаксов*)»²¹.

Метод доктора Сидки

Данная работа стала стимулом для отдельных исследований доктора наук университета Нотр-Дам в химической и биомолекулярной инженерии и магистра прикладной и вычислительной математики и статистики Хайсама Сидки. Автор проделал также различные манипуляции с текстом. Следует отметить его крайне холодный и критический подход, благодаря которому он разложил текст Корана и проводил различные манипуляции с измерениями его структуры, но также он пробовал удалять и искажать части текста, чтобы вывести нарушения «гладкости» стиля.

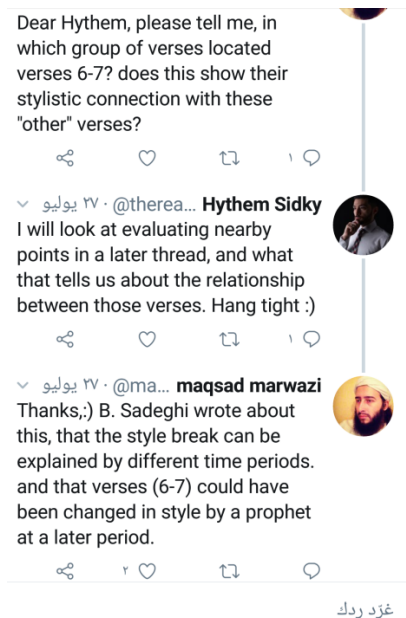
²¹The Chronology of the Qur'ān, стр. 288

В ходе исследования ему поступали предложения от различных востоковедов, и наиболее критичным и проблемным местом по указанию Гиййома Дийо (Университет Брюсселя) оказался фрагмент текста 23:2-9, где аяты 6-7 выпадали стилистически из ряда аятов 23:2-9, таким образом создавая видимость «разрыва стиля». Хайсам разложил весь текст Корана в виде стилометрического облака точек, в котором каждая группа представляет стилистическое единство. Где-то группы из большого скопления точек – это большие суры с большим количеством аятов, где-то же скопления меньше – это суры с малым количеством аятов. Разложенная часть текста 23:2-9 показала «разрыв стиля», в котором аяты 6-7 оказались вдалеке от своих «соседей», 2-5...8-9.

Результаты исследования автор публиковал в процессе работы, так что он и сам не знал, к чему придет в итоге. При публикации результатов о «разрыве стиля», мной было замечено то, что данные «выпадающие» аяты состоят в стилистической связке с другими группами аятов из других сур, таким образом, этот факт указал на одно – то, что автором этих аятов является автор других аятов, в группе которых они находятся. Таким образом, данный самый критический момент показал, в конечном счете, одно – автор этого разрыва – автор всего Корана. Но существующий «разрыв стиля» был исследован Б. Садеги, который указал, что разрыв стиля объясняется отменой/заменой аята в позднее время²², что я предложил Хайсаму, с чем он выразил согласие.

²²The Chronology of the Qur'ān стр. 287

Также, в конце исследования, Хайсам проверил Коран по технологии skip-gram²³. Она показывает наиболее тесные связи между словами в тексте, наиболее частое употребление слов в связке.

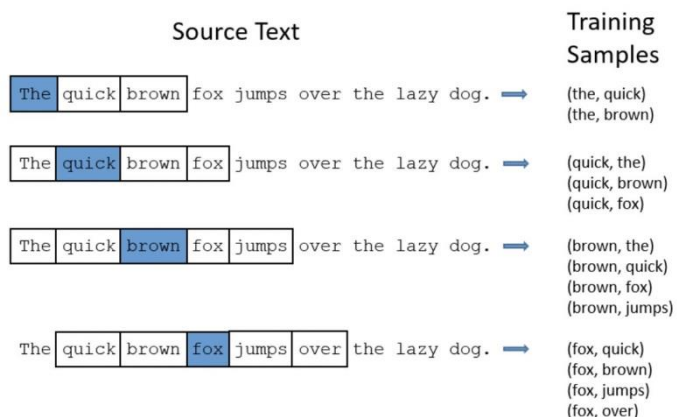

Схема примера принципа skip-gram

Им были составлены различные экспериментальные словосочетания, результаты которых показали, что устойчивые выражения Корана не нарушаются «ложными» вбросами инородных слов.

Пример результата наиболее частой связки к имени «Муса» показал слова «бани», «исраиль» (сыны Израилевы)

```
model.wv.most_similar('muwsaY', topn=2)
[("<isra'iyla", 0.962783932685852), ('baniY', 0.9522520303726196)]
```

²³ Архитектура типа Skip-gram использует текущее слово, чтобы предугадывать окружающие его слова.

А для слова «Иса» – «хавариййон» (апостолы)

```
model.wv.most_similar('EiysaY', topn=1)
[('lHawaAriyuwna', 0.9985159635543823)]
```

Для чистоты эксперимента, доктор Сидки прибег к небольшим манипуляциям. Он внес в Коран искажение. В тексте, где вместе встречаются слова «джаннат» (Рай) и «муминун» (верующие) он изменил «муминун» (верующие) на «кафару» («[те, которые] не веруют») и далее сделал то же, что было описано выше: текст с искажениями пропустил через skip-gram, чтобы проверить, будет ли теперь искусственно внесенное слово «кафару» стилистически связанным с «джаннат». Результат его ошеломил, наиболее подходящим словом для «кафару» оказалось – «нар» (Огонь, т.е. Ад). Таким образом, попытка искусственно связать эти два слова дала негативный результат, который показал, что текст Корана не поддался на внесенные искажения, продемонстрировав, что слово «неверующие», несмотря на искажение, стилистически связано со словом «Огонь», а не Рай.

```
In [80]: model.wv.most_similar(positive=['kafaruA', 'janat'], negative=['\aAmanuwa'], topn=1)
Out[80]: [('lnaAri', 0.9371703863143921)]
```

А если в связке «шайтан» (сатана) + «адуў» (враг), слово «шайтан» изменить на «Аллах», то получим – «Хаким» (Мудрый). То есть текст Корана, несмотря на вброс, показал устойчивость к искажению, и не подтвердил новую связь слов.

```
model.wv.most_similar(positive=['llahu', 'Eaduw'], negative=['l$ayTanu'], topn=1)
[('lHakiymu', 0.9827228784561157)]
```

В завершение своих разносторонних экспериментов и исследований в области стилеметрии, Хайсам подытожил:

don't know, but we have a model we can test! Where does this leave us? Well, I personally find the evidence compelling enough to justify the claim of *predominantly* single authorship.

«Что ж, я лично нашел достаточное доказательство, чтобы оправдать заявление о «преимущественно одном авторе».

Резюмируя, мы можем заключить, что двое независимых ученых, обладающие научной компетенцией и статусом в научном мире, провели ряд исследований Корана с текстологической позиции

с использованием новейших технологий. Оба результата совпали. Для текстологии Корана это дает ряд выводов:

1. Автор Корана – один.

2. Это отрицает необоснованные заявления о плагиате Мухаммада цитат из Библии или других книг.

3. Также это отрицает «соавторство» кого-то наравне с основным автором Корана. Опровергая различные беспочвенные домыслы о «двух почерках в Коране», или заявления, будто Мухаммад, мир ему, обращался за помощью к иудеям или христианам, или к поэтам в создании текстов для Корана.

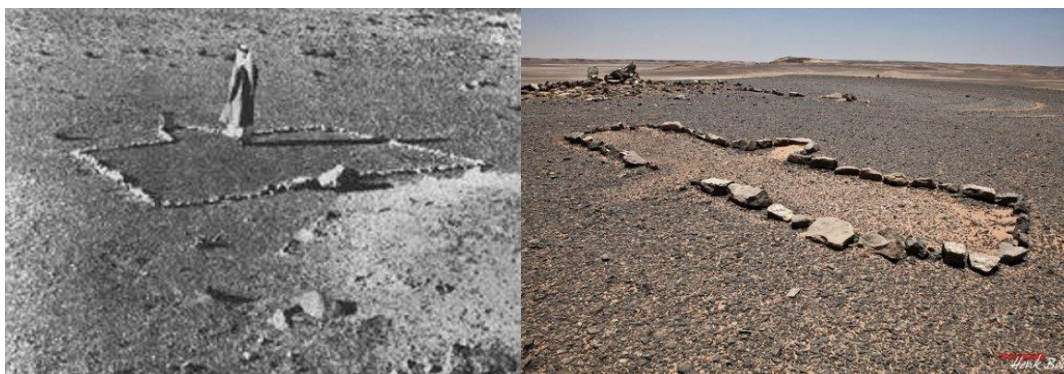
4. Будучи стилистически единым текстом, Коран не имеет инородных текстуальных вставок или искажений, наглядно демонстрируя сохранность первоначального текста.

Эти результаты не есть продукт субъективности человеческого разума, подверженного прихотям и желаниям выдать желаемое за действительное, но результат машинного математического вычисления, в котором отсутствуют желания, амбиции и погрешности. А значит, мы имеем вполне точные и надежные данные.

Эта технология, бесспорно, новый шаг совершенного нового высокого качества в науке исследования Корана. Благодаря этой технологии, как вскользь об этом упомянул Б. Садеги, можно стать «современником» становления текста Корана, минуя манускрипты и археологию окунуться в сам текст Корана, стать прямым свидетелем формирования текста. Это дает преимущество перед помехами в виде лакун и фрагментарности манускриптов или неоднозначных исторических сведений, и получить тот Коран, который метафизически существовал во время Мухаммада, мир ему и благословение Аллаха.

Мечеть – очаг культуры и единения верующих

Мечеть (в переводе с арабского – «масджид», *исм аль-макан* – «место, где совершается земной поклон») в исламе, как в логичноустроенной религии, имеет сугубо практическую значимость. Мечеть как архитектурное сооружение, изначально не несет в себе идеи сакрального пространства. Сакральность какого-либо места в исламе образуется в первую очередь за счет собрания верующих в этом месте. Именно этот аспект позволяет расширить границы мечети как сооружения или места поклонения до всевозможных форматов. Можно встретить в исламском мире мечети помпезные, богато декорированные, построенные по сложным архитектурным замыслам, но также бывают и мечети, представляющие из себя расчищенную земляную площадку со стенами. Порой мечетью служит всего только одна стена, направленная на кыблу. Но оба архитектурных варианта являются мечетями в полном смысле слова.

Основные каноны мечети с теологически-правовой позиции были заложены во времена пророка Мухаммада, мир ему. Мечеть Пророка в Медине первоначально выглядела как прямоугольное сооружение с тремя входами: два по бокам сооружения и один сзади. Высота стен достигала примерно 2,20 м. Это была открытая площадка, с двумя теневыми зонами. Основная теньевая зона – *Зулля* – была в передней части мечети, ориентированной на Мекку. Она представляла собой три ряда колонн, по 9 штук в каждом. Колоннами служили пальмовые стволы, а крышу устилали пальмовые листья.

Вторая теневая зона – *Суффа* – место, где находили приют малоимущие мусульмане, остававшиеся там подолгу.

Зуля

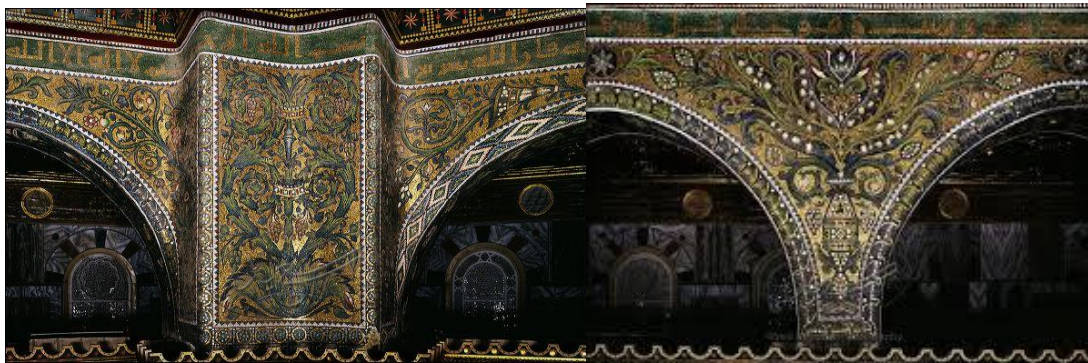
Суффа

Вплоть до омейядских халифов в мечети отсутствовала широкая декорированность. В Сахих аль-Бухари сообщается, что ‘Абдуллах бин ‘Умар, да будет доволен Аллах ими обоими, сказал:

«При жизни посланника Аллаха, да благословит его Аллах и приветствует, мечеть была построена из необожжённого кирпича, её крыша была сделана из голых пальмовых ветвей, а столбы – из стволов пальм. Абу Бакр ничего не добавил к ней, что же касается ‘Умара, то он расширил её, построив новое здание по образцу существовавшего при жизни посланника Аллаха, да благословит его Аллах и приветствует. Он использовал необожжённые кирпичи и голые пальмовые ветви и поставил новые деревянные столбы. Затем (эту мечеть) перестроил ‘Усман, значительно расширивший её. Он возвёл стены из украшенных узорами камней (покрыв их) известью, и поставил каменные колонны с узорами, а крышу покрыл тиком».

При халифе Муавии (первом халифе династии Омейядов, взошедшем на трон после четвертого праведного халифа Али) губернатором Медины Марваном ибн аль-Хакамом были нанесены гипсовые резные декоративные элементы на стены мечети. Впоследствии в период халифа аль-Валида, мечеть была перестроена с использованием богатых строительных материалов, мрамора и мозаичных панно, подобным тем, что до сих пор сохранились в Куббат ас-Сахра в Иерусалиме. Однако пожар, случившийся в конце

эпохи Омейядов – начале правления Аббасидов, уничтожил большую часть постройки Валида.

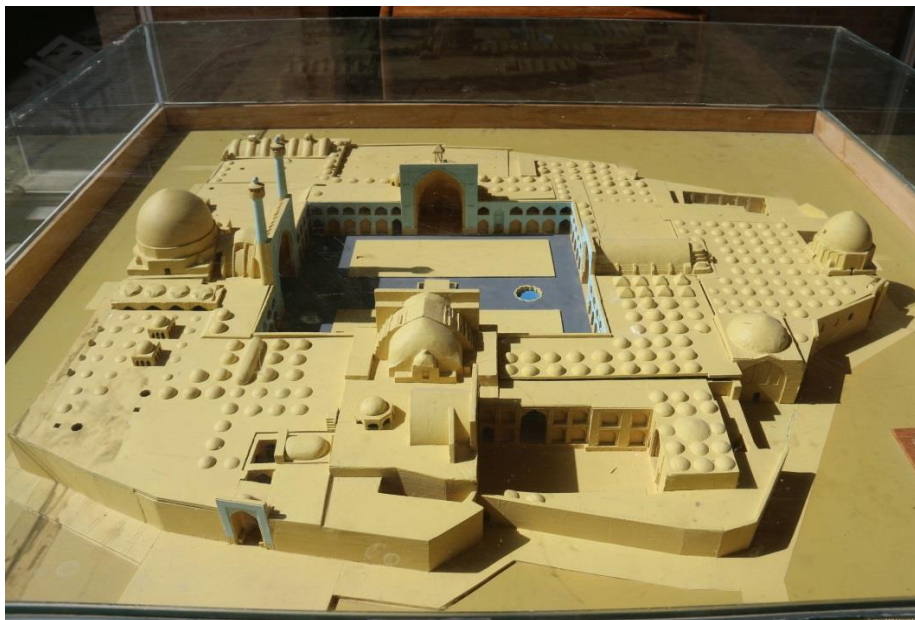

Образцы мозаичных панно в мечети Куббат ас-Сахра

Однако, канонически, мечеть должна быть выполнена в минималистическом стиле, который не подразумевает необдуманные траты на декор. Мечеть при Пророке, мир ему, как видим, была представлена общей прямоугольной площадкой. Зонирование в ней, оговоренное Пророком, стало каноном в исламе: первые ряды заполняются мужчинами, далее дети, а потом женщины. Такое расположение имеет ясные логические основы. И также расположение женщин, позади мужчин и детей, обусловлено конечно же не унижением женщины в Исламе, а тем, что посещение мечети для женщин не является канонически обязательным. Лучшее место для молитв женщины – это ее дом, как передается это от пророка. Опять же, и в этом повелении также имеется логическая основа. Так как такая позиция базируется прежде всего на сохранении чести и спокойствия женщины, которые могут быть нарушены недоброжелателями на ее пути в мечеть. Если же ее дом рядом с мечетью или же дорога безопасная, то она абсолютно свободно может посещать мечеть. Именно этот аспект формирует такое расположение и гендерное зонирование в мечети.

С распространением Ислама архитектура мечетей стала различаться по региональным признакам. На востоке стали проявляться стрельчатые айванные и купольные сооружения как наследники сасанидской архитектуры. А на западе, наоборот, стали проявляться византийские архитектурные элементы. Структура мечетей в Средней Азии и Персии вобрала в себя персидские основы,

но с сохранением основных канонических элементов, заложенных на заре Ислама. Таким образом, золотая пора восточно-исламской архитектуры – эпоха Сельджуков – демонстрирует на примере Джамии мечети Исфахана традиционную открытую площадку с основными двумя теньевыми зонами, но архитектурный ансамбль сформирован на основах традиционных сасанидских форм.

Макет Джамии-мечети Исфахана

Западные мечети вобрали в себя византийские элементы декора, как явно видно на мечетях Куббат ас-Сахра и Джамии Бани Омейя в Дамаске. С появлением Османской империи архитектура мечетей приобрела более тесные связи с архитектурой Византии. В качестве примера культурной интеграции можно привести мечеть Нюцзэ в Пекине. Она была заложена в 996 году по хиджре в юго-западном районе Сюаньбу, который издревле населяли китайские мусульмане. Приняла вид, близкий к нынешнему, при императоре Канси в начале XVIII века. Мечеть площадью 6 тыс. кв. м. обновлялась в 1955, 1979 и 1996 годах.

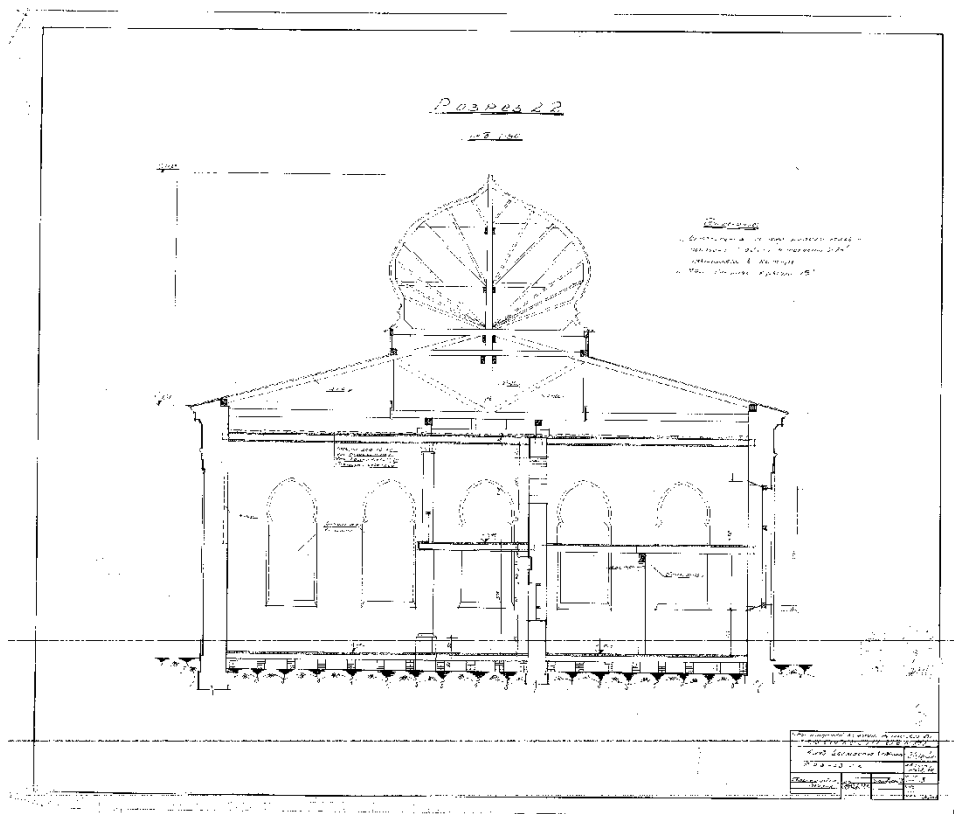
Мечеть Нюцэ

Как видно, гибкость архитектурных исполнений мечетей в разных регионах продиктована свободным отношением к мечети и отсутствию в ней сакрального пространства, как места обитания Бога, как то имеется в политеистических верованиях.

В нашей стране – Беларуси, – в которой исламу официально 620 лет, а по неофициальным данным – чуть ли не 700, то здесь было построено множество мечетей. Они вобрали в себя также, как и было упомянуто ранее, различные местные архитектурные и эстетические приемы оформления храма. Но одна особенность обращает на себя отдельно внимание – это соблюдение в белорусских мечетях канонического оригинального гендерного зонирования, заложенного при пророке Мухаммаде, мир ему.

Вообще говоря, при исследовании духовного наследия белорусских мусульман ни в коем случае нельзя говорить об их религиозной отсталости от остального мусульманского мира. Ислам в Беларуси сохранял всю свою чистоту и даже различные религиозные тонкости. Почти во всех храмах, за исключением разве что мечети в Сорока Татарах в Литве, соблюден правильный принцип зонирования, и также объемы отводимых для мужчин и женщин пространств также отражает канонические тонкости посещения и наполняемости мечети прихожанами.

Недавно Минская Соборная мечеть получила копии обмерных чертежей первой мечети в Минске, сделанные в 1949 году. Чертежи также показывают внутреннюю планировку здания, которая также выполнена в традиционном для белорусских мечетей каноне.

Чертеж Минской мечети 1949 г.

Бесспорно, жемчужиной в исламском зодчестве Беларуси является мечеть в д. Довбучки, построенная в 1735 году. Она простояла до 90-х годов, была разобрана и перевезена в музей архитектуры и быта, где и пролежала вместе с бревнами в сарае с открытыми стенами. К сожалению, на данный момент зданию хотят присвоить название: «остатки мечети». Мы надеемся, что здание мечети удастся восстановить, к чему будем прилагать все наши усилия.

Мечеть в д. Довбучки

Одной из самых удивительных особенностей мечети является ее демократичность и высшее социальное служение – традиционно в мечетях проходили различные образовательные программы. В одной мечети могло насчитываться несколько десятков, так называемых «кружков» знаний, где во главе каждого из них находился ученый в той или иной области и преподавал науку. Так, например, в мечети Ахмада ибн Тулуна в Каире, проходили занятия по исламскому праву, теологии, грамматике, медицине, математике, логике, философии, физике, химии, астрономии и многим другим науками. Занятия мог посещать любой человек абсолютно бесплатно. Это в свою очередь позволяло любому жителю исламского государства получить все ступени образования и стать специалистом в желаемой науке.

Гравюра с изображением урока в мечети, позади видны группы, где преподаются другие науки

Занятия проводились также самыми выдающимися учеными того времени. Это и поспособствовало тому, что в расцвет аббасидского халифата наука стала самым главным аспектом жизни мусульманина. Чтобы дать живой пример любви к науке, я приведу историческое сведение, что в богатом городе Мерве – столице провинции Хорасан, в XI веке на богатые пиршества знати и высших слоев общества приглашались не музыканты и танцовщицы, а группы ученых различных наук с изложением своих гипотез или открытий или же устраивались публичные дебаты между сторонниками противоположных теорий. Для общества мусульман того времени

слушать выступление ученых или же их научные прения считалось высшим наслаждением и представляло разновидность высокоинтеллектуального отдыха.

Сегодня, когда мусульманский мир расколот пополам, и одна часть мира переживает возрождение исламских наук, а другая часть – падает еще глубже в пучину невежества, нам необходимо помнить о высшем социальном значении мечети и ее прямому служению идеалам ислама – знаниям. Мечеть не должна быть мертвым памятником с закрытыми дверями, в ней должны проводиться интеллектуальные и культурные мероприятия, главным из которых, бесспорно является изучение наук. Так же и прихожанам следует отвыкнуть от обывательского отношения – придти «поклевать, как ворона, свои четыре рак’ата», как с осуждением говорил наш Пророк, мир ему, и выскочить вон, по своим делам. Если мы сплотимся вокруг учебы, знаний и наук, не забывая о святом, о вере – то сможем вернуть себе достойное место в мире, ин ша Аллах. И тогда воплотится в жизнь ду’а о благополучии в этом и вечном мире: *«О Аллах, даруй нам благо в мирской жизни, в вечной жизни и избави нас от пламени Ада!»*

Овезов М.

Яшар Кандэмір. Сорак хадзісаў у апавяданнях

Пераклад: Д. Радкевіч

АПАВЯДАННЕ ДРУГОЕ: КАЛЮЧКА

Вельмі даўно ў адной краіне існавала страшнае смяротнае пакаранне. Людзей, прызнаных вінаватымі, кідалі на разарванне галодным ільвам. А народ збіраўся, каб назіраць за гэтым жудасным відовішчам.

Аднаго разу вінаватым быў прызнаны нявольнік, які ўцёк ад свайго гаспадара. Раба паставілі пасярод акружанай высокімі сценамі плошчы, якая называлася арэнай. Затым туды выпусцілі льва, якога не кармілі ўжо дзесяць дзён. Леў люта кінуўся на небараку, але раптам спыніўся і пачаў лізаць яму рукі. Гледачы замёрлі ў здзіўленні.

Нявольніка спыталі, чаму гэта дзікі звер такі ласкавы да яго. Ён

адказаў: “Аднойчы я сустрэўся з гэтым ільвом ў лесе. У яго лапе засела вострая калючка, і ён пакутаваў ад гэтай раны. Я выцягнуў калючку з яго лапы, і мы сталі сябрамі”.

Народ быў крануты гэтым расповедам. Абодвух – і нявольніка, і льва адпусцілі на волю. Усе са здзіўленнем і захапленнем назіралі за

ільвом, які нібыта паслухмяны кот, ішоў следам за чалавекам.

Як выдатна сказаў наш Прарок, мір над ім:

الرَّاحِمُونَ يَرْحَمُهُمُ الرَّحْمَانُ، اِرْحَمُوا مَنْ
فِي الْأَرْضِ يَرْحَمْكُمْ مَنْ فِي السَّمَاءِ

رواه الترمذي.

“Літуйце і над вамі злітуюцца. Будзьце літасцівыя да насельнікаў зямлі і насельнікі нябёсаў будуць літасцівыя да вас”

Гэты хадзіс перадаў імам ат-Цірмізі.

Байрам
Татары на зямлі Беларусі
Наклад 300 асобнікаў
Мінск, 2019

